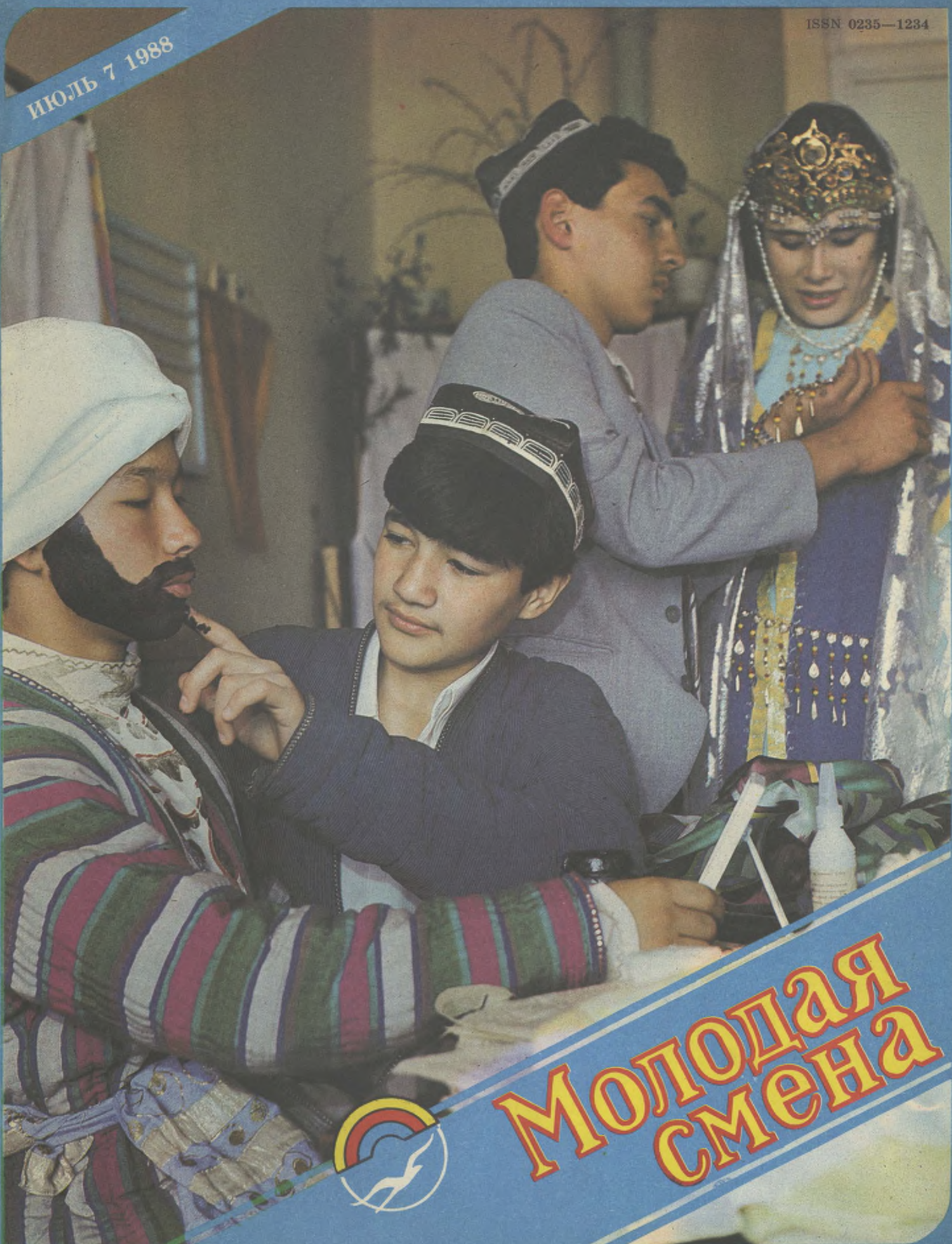

ИЮЛЬ 7 1988

Молодая смена

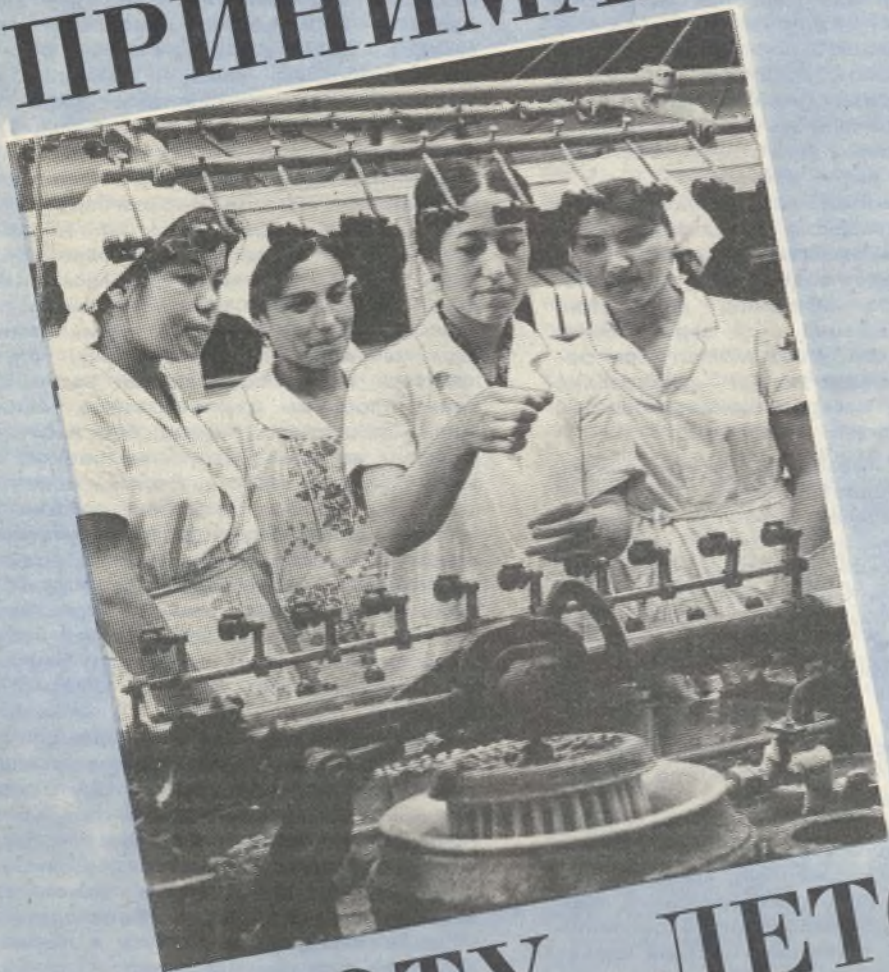

Новая библиотека имени А. Гайдара, открывшаяся недавно в Ташкенте, сразу нашла своих читателей.

Фото А. КУДРЯШОВА

ПРИНИМАЙ

РАБОТУ, ЛЕТО!

— Хочу джинсы! — капризно тянет долговязый подросток. Ну, джинсовые страдания — это, положим, из прошлого, но всегда ведь найдется нечто притягательное, требующее, однако, щедрости родительской.

А может, не обязательно родительской? Не обязательно. Любому старшекласснику предоставляется возможность доказать свою взрослость не на словах и заработать деньги самому. Вне зависимости от того, какова конечная цель — «Леви Страус», магнитофон или с совершенно будничным видом отдать деньги маме, дав право распоряжаться ими по усмотрению.

Летних лагерей труда и отдыха старшеклассников в республике более полутора тысяч. К ним приравняются ученические производственные бригады — как правило, на селе; трудовые отряды — обычно в городе. Краткая справка для тех, кто не в курсе: собственно труду — с поправкой на возраст — отводится здесь четыре часа в день. Норма дневной выработки — на двадцать процентов меньше, чем у взрослых. Специфика работы самая разнообразная — от сбора плодов и овощей до помощи большим, сортировки товаров в магазинах. Дело находится везде: оказывается, руки ребят совсем не лишни и на производстве, куда раньше подростков не подпускали за километр, «отвечай потом за них»... Да и просто не верилось, что будет толк. Что ж, воспользуемся красноречием цифры: чистая прибыль от деятельности трудовых отрядов школьников составила в прошлом году по Узбекистану 115 миллионов 931 тысячу рублей.

Если в течение положенных четырех часов человек действительно работал, а не имитировал бурную деятельность, чувство выполненного долга, безусловно, будет стимулировать

спортивные успехи, остроумие в КВНе и т. д. Досуг здесь предполагается интересным и разнообразным. Кроме того, трижды в день вам скажут: «Приятного аппетита!» — при том, что расходы на питание оплачивает профсоюз той организации, которая предоставляет работу.

В Вабкентском районе создан базовый лагерь труда и отдыха «Факел», где без отрыва от производства, то есть от работы в подшефном хозяйстве, проводится учеба комсомольского актива. Еще один базовый лагерь появился в прошлом году в Каганском районе на базе СПТУ-8. В нем работают и отдыхают учащиеся профтехучилищ района. Еще один лагерь ...мог появиться, но не появился в Ферганской области: едва начав строить, его срочно перепрофилировали в пионерский. Но спешу успокоить: всем желающим работа в области найдется.

В конце февраля нынешнего года в Кумышкане состоялся семинар организаторов летней трудовой четверти, в котором приняли участие представители облагропромов, обкомов комсомола, работники РАПО. Обстановка была сугубо деловой — речь шла о составлении трудовых договоров, формировании бригад и отрядов. А через месяц теоретически «подковывались» уже сами будущие участники — на Республиканском слете трудовых объединений школьников и бригадиров ученических производственных бригад школ. Проходил он в Ворошиловском районе.

Вы знаете, что такое структурная ученическая бригада? В чуточку канцелярском слове — глубокий смысл, означающий, что в бригаде все как у взрослых — план, техническая карта, полевой стан.

Из большого зала разговор был перенесен в поле. Свои участки и шипаны показали

учащиеся 10-й, 17-й и 21-й школ района. Гости убедились: «структурные» работают на полном серьезе.

Гульхаё Бабаджанова, бригадир ученической производственной бригады школы № 8 Ташлакского района, совершенно случайно забыла свой реферат в общежитии. «Можно я сбегаю?» — готовая сорваться с места и лететь стрелой, спросила она у одного из руководителей семинара. Увы, бежать было уже некогда. «А своими словами никак не сможешь?»

— У меня и в реферате свои, — спокойно произнесла Гульхаё, без смущения встала перед солидной аудиторией и грамотно, толково разъяснила суть вопроса. Собралась было сесть под одобрительные аплодисменты, но из зала прозвучала просьба...

— По-русски? Хорошо! — энергично тряхнула головой Гульхаё и еще раз изложила тему, показав заодно, что школьная пятерка по русскому языку кое-что да значит. Всеобщую симпатию закрепили и успехи бригады Гульхаё — цифры впечатляли.

...Что такое труд на поле, знают не только руководители образцовых бригад — любой сельский школьник. Этот же самый школьник знает и другое: заручиться родительской поддержкой, записавшись на лето в лагерь труда и отдыха, очень трудно. Трудно, ибо существует семейный подряд. Но что плохого, спросите вы, если подросток работает рядом с отцом и матерью? Опыт показал парадоксальное: именно на семейном участке, под зорким родительским оком школьник нередко обедает всухомятку и не вовремя, а рабочий день его затягивается так, что возмутился бы дюжий взрослый дядя. Я не говорю уже о том, что заработанных денег подростки не видят.

— Летом прошлого года был в командировке в Кашкадарьинской области, — рассказывает Эгамберды Рахматов, комиссар республиканского штаба трудовых объединений старшеклассников. — У края поля в одном из совхозов остановил машину: четыре девушки, лет по 11, корпят над грядками. Выяснил из разговора, что две из них — пятиклассницы, две — в шестом. И еще одна интересная подробность: трудятся за взрослых. Одна за сноху, занятую по дому, другая за мать... В совхозные финансовые ведомости девочек благоразумно не включили — еще бы, нарушение ведь.

Бумага, понятно, не краснеет. А товарищи взрослые, беззастенчиво выезжающие на дачах? Я не говорю о той толике насущно необходимого труда, без которого воспитание юного человека просто невысказимо. Но чувство меры давно потеряно — пора уже всерьез говорить о воспитании, вернее, перевоспитании, иных родителей.

Нужна кропотливая, систематическая работа для того, чтобы в корне переменить существующее положение. Чтобы у всех ребят была возможность вместе со сверстниками трудиться — определенное количество времени, завтракать, обедать, ужинать — строго по часам и не одной лепешкой с чаем; расписываться в финансовой ведомости — вполне законно. А отличившись в труде, быть так же законно поощряемыми. В прошлом году ЦК ЛКСМ Узбекистана отправил три больших группы — по 6 человек из каждой области — в экскурсионную поездку. Маршрут Москва — Киев — Одесса. Срок — 5 дней. Бесплатно. Вряд ли кто-нибудь откажется.

... — А я не хочу работать вместе со всеми! — на знакомой уже капризной ноте тянет подросток, в котором бывает и такое — коллективистские наклонности развиты весьма умеренно. Такому следует обратиться в штаб индивидуального трудоустройства при горкоме или райкоме комсомола — и дело по душе непременно найдется.

Итак, в добрый путь, друзья! «Ни пуха» на летнем экзамене!

Б. ГЕРШГОРИН.

Молодая
СМЕНА 1

ПЕРВЫЕ

«Блажен, кто мир сей посетил в его минуты роковые...» Великая и грозная честь — в роковые, решающие для Родины минуты, на стыке времен, в первых рядах борцов творить Историю. Именно это выпало в первые годы Советской власти в Туркестане молодежи Наманганского уезда.

1920 год. Ферганский областной комитет партии направил в Наманганский уезд группу коммунистов во главе с Батыровым и Менеевым для создания комсомольской организации. Группа работала в очень трудной обстановке, в любой момент могли подстеречь ее работников басмаческая пуля, нападение из-за угла. Но — такова сила правды — они верили в светлое будущее и не боялись смерти, и потому смерть испугалась их. Задачу свою орггруппа выполнила, и первым шагом к созданию молодежной организации стало проведенное коммунистами собрание, в котором приняли участие более двухсот юношей и девушек. Собрание проходило в бурных спорах и показало, что среди немалой части молодежи сильны мелкобуржуазные и националистические настроения.

Несмотря на это, мнение большинства было единодушным: необходимо как можно скорее начать работу союза молодежи, и начать ее с борьбы с неграмотностью. Тут же был создан коллектив учащейся молодежи под руководст-

вом уездно-городского партийного комитета. Ответственным за работу коллектива был избран Петр Лукич Старинец.

Позже был проведен еще ряд организационных собраний, и в результате на базе созданного коллектива учащейся молодежи начала действовать уездно-городская комсомольская организация. В комитет были избраны Кривдин, Туманов, Мирзаев, Низамов и Зауров. Таким образом, в конце августа 1921 года здесь сосредоточилось 5 районных организаций и 17 ячеек, в которых состояло 270 членов, 35 из них — девушки.

В то время понятие «комсомол» было в первую очередь связано с молодежью, которая учится. И Наманганская уездная комсомольская организация видела свою первоочередную задачу в обучении, ликвидации неграмотности. Решение этой задачи было необходимо для того, чтобы можно было решить другие важнейшие задачи — укрепления Советской власти, раскрепощения женщины, борьбы с пережитками прошлого.

Комсомольцы проводили агитационную, воспитательную работу среди населения, разъясняя важнейшее значение обучения, объявили непримиримую войну неграмотности. Для этого были воспитаны и подготовлены национальные кадры учителей, созданы на местах курсы начального обучения для населения самого разного возраста — от 16 до 40 лет и старше.

Особую роль в борьбе с пережитками прошлого играло привлечение женщин к участию в общественной жизни. Решение этого вопроса было бы равносильно победе социализма в уезде.

Для проведения просветительской работы среди женщин, обучения их грамоте комсомольцы создали женский клуб, который стал главной опорой в деле раскрепощения женщин, борьбе с религиозностью, укреплении организации за счет девушек местной национальности.

Понятно, что враги новой жизни ненавидели

комсомольцев и боролись с ними, не гнушаясь никакими средствами. Незаменяемым оружием их в этом были религиозные догмы, которыми, словно цепями, был опутан народ. Служители религии поддерживали басмаческие банды и вдохновляли их на уничтожение наиболее активных комсомольских организаторов. Среди населения с легкой руки мулл распространялись слухи о близком конце света, о каре, которая постигнет «нечестивых» (читай — коммунистов и комсомольцев).

«В городе ежедневно десятки женщин сбрасывали паранджу. Хамро Эралиева, Тухтахон Шарифбаева, Хабиба Мирзаакбарова, Мушараф Инамова первыми поступили на работу в артель. Ряды женщин, решительно рвущих с игем темного прошлого, ширились с каждым днем. Вступившие в комсомол ходили по домам, проводили беседы с женщинами, все еще закутанными в паранджу, стремясь привлечь их к общественной жизни. Часто приходилось им сталкиваться с непониманием, с открытой враждебностью людей, сознание которых было цепко опутано отсталыми представлениями. Десятки моих подруг стали жертвами их предрассудков, диких и темных предрассудков. Но отступить мы не могли». Так вспоминает трудные годы одна из активных участниц событий тех дней, ветеран партии и комсомола Х. Киргизбаева. К сожалению, в ее последних словах — правда: по неполным данным, в 1927 году было убито 48 женщин-активисток, в 1928—205, в 1929—165.

Зверства и запугивания не устрасили отважных активисток и не остановили начавшегося движения «Худжум». В 1925 году более 211 женщин были членами исполнительных комитетов сельских уездных Советов — факт для того времени неслыханный. Деятельность женских клубов принесла замечательные плоды: 8 марта 1926 года более двух тысяч женщин навсегда расстались с паранджой, встали на путь новой жизни.

А. МИРЗААХМЕДОВ.

“НАУЧИТЕ МЕНЯ ЖИТЬ!”

Часто ли в жизненных ситуациях вы призываете на помощь логику? Да, да, именно логику, но оговорюсь: не ту, которую зовут житейской и которая по своей значимости приравнивается к мудрости, и не «женскую логику», означающую обычно отсутствие всякой логики. Я имею в виду формальную логику, курс, который читается на всех гуманитарных факультетах университетов и в юридических вузах, школах милиции, высших командных училищах и т. п., то есть в тех учебных заведениях, после окончания которых молодые специалисты будут работать с людьми. И не только работать, но и в силу своей профессии стараться лучше понять их, суметь в случае необходимости убедить в чем-то, воздействовать на их поведение и поступки. Но даже и «прошедшие» курс логики в вузе — часто ли применяют они свои знания на практике? Думаю, что нет. И это не случайно.

Появившаяся две с половиной тысячи лет назад в древней Греции, логика как наука была порождена демократией. Развитие мысли находилось в центре внимания общества. Споры, дискуссии, выявление каких-то истин, связанных с необходимостью развития демократии, требовали науки, которая закрепила бы основные положения мыслительного процесса. Сама жизнь диктовала необходимость этой науки.

А у нас? Сейчас уже не приходится удивляться, что в нашей стране логика до 1946 года была фактически запрещена. Принципы логики общечеловечны, законы ее четки; соблюдение их ясно коррелирует картину мира. И у нас ее просто убрали из учебного процесса за ненадобностью. Почему? А помните диалог матери и дочери из фильма «Завтра была война» по повести Бориса Васильева? «— Мне кажется, что нас в школе совсем не учат спорить...— С друзьями не о чем спорить! А с врагами надо драться!» Да, это было тогда четкой установкой: не спорить, не рассуждать, выполнять указания!.. Но катего-

ричное мнение товарища Поляковой давно уже оспорено самой жизнью. Практика показала, что отмахнуться от той или иной науки нельзя. Долгие годы мы будем еще расплачиваться за то, что когда-то запрещали генетику, долго еще будем отставать в развитии объявленной в свое время «буржуазной жженнаукой» кибернетики, а говоря о компьютеризации, представлять себе дисплеи лишь по изображениям на экранах телевизоров и на рекламных плакатах.

А ведь логика лежит в основе кибернетики. Впрочем, это уже особый ее раздел. Но и та логика, о которой мы говорим, нужна нам, как воздух. Сейчас, когда спорить и даже расходиться во мнениях нам уже «разрешили», вдруг оказывается, что это целое искусство, которым мы, к сожалению, не владеем. Говорим о развитии демократии, о гласности, пробуем, именно пробуем выразить свое мнение — и не умеем этого сделать: нас этому не научили. Разумеется, иметь собственное мнение научить нельзя, но форме-то научить должны были. Например, способам отстаивания своего мнения. Да, да, этому научить можно. Только нужно ли?.. Не забуду фразу, сказанную когда-то мне в спину на юридическом факультете ТашГУ: «На что нам ваша логика, у нас есть своя логика». Что это была за логика, которая всех устраивала, мы знаем. И таких, со «своей» логикой, по которой все можно было купить и все продать, в те годы было ох как много!

Но можем ли мы уверенно сказать, что сейчас с подобной «логикой» покончено? Хотелось бы, но от желания до реальности, как известно, дистанция огромного размера. Однако пройти ее надо, иначе все повторится вновь. А допустить этого мы не должны! Знание логики — и не только знание, но и умение применить ее на практике —

тоже один из видов оружия в борьбе со стяжательством, приспособленчеством, подлостью.

Сейчас предмет формальной логики введен, как я уже сказала, в учебную программу многих вузов. Как же ведется его преподавание?

Известный советский философ Ю. К. Мельвил, несколько лет стажировавшийся в американских университетах, три года назад приехал к нам в Ташкент. Он читал спецкурс для студентов-философов ТашГУ и несколько лекций для преподавательского состава. В частности, прочитал лекцию о состоянии высшего образования в США. Кто-то из преподавателей задал ему вопрос: «А как преподают в Америке логику?» И вдруг мы услышали в ответ: «А какую из шестнадцати вы имеете в виду?»

Из шестнадцати?! У нас читают три курса логики: формальную, диалектическую и математическую — в зависимости от специальности. Но шестнадцать?! Помню брошенное из зала: «Делать им нечего... Но ведь давно уже мы поняли, что практические американцы никогда не станут заниматься наукой, если она не при-

ЛОЛАХОН

Вскоре после установления Советской власти В. И. Ленин подписал декрет об освоении Голодной степи. За годы, прошедшие с тех пор, Мирзачуль превратился в оазис, который хочется сравнить с прекрасным шелковым сюзане. А создали его своим самоотверженным трудом люди, чьи имена вписаны золотыми буквами в историю родного края. Это Назира Юлдашева, ставшая Героем Социалистического Труда, Ганишер Юнусов, вырастивший хлопок на засоленных землях, Таджикузи Болтабаев, заложивший фундамент первого дома в степи... И еще одно имя хорошо помнят в этих краях: имя Лолахон Эрбутаевой, той самой девушки из легенды, которая в восемнадцать лет стала Героем Социалистического Труда. О ней, собравшей в свое время восемнадцать тонн белого золота, поэт Тураб Тула писал: «Стебли хлопчатника у Лолахон такие, что могут служить осью для кокандской арбы».

И вот мы в колхозе «Красная заря» Гулистанского района, куда приехали накануне 70-летнего юбилея ВЛКСМ, чтобы встретиться с гордостью комсомола сороковых-пятидесятых годов Лолахон Эрбутаевой.

— Все так же крепки ваши связи с комсомолом, Лолахон-апа?

— Конечно. С комсомольской юностью связаны многие мои трудовые победы. Вот почему в прошлом году так взволновало меня известие, что я как ветеран комсомола приглашена на XXIII съезд ЛКСМ Узбекистана. На этом форуме я увидела многих старых друзей, людей, дорогих сердцу, как будто снова встретила со своей молодостью. Ведь у себя в родном колхозе я одной из первых вступила в комсомол, а тогда это было не так просто, как сейчас, и принимали далеко не всех. Райцентр, где находился районный комитет

комсомола, был от нас в тридцати километрах, и председатель для такого случая дал мне единственную в колхозе повозку, на которой объезжал поля. К тому времени я уже была многотысячницей, а когда стала комсомолкой, то и подруги не захотели от меня отстать. Назокат Султанова, Мукаррам Шеронова, Изро Мадумарова, собравшие по пятнадцать-шестнадцать тонн хлопка, успели уже прославиться на всю страну, корреспонденты из Москвы приезжали в колхоз, даже кино документальное про наших девчат снимали. А когда те решили вступить в ряды ВЛКСМ, я сама их готовила, помогала чем могла. А уж за девушками и парни потянулись.

— В свое время имя ваше прогремело на всю страну, оно не сходило со страниц газет и журналов, о вас слагали песни. С тех пор прошли годы...

— ...и все сложилось, как и должно было быть. Честь и славу приносит человеку только труд. Я была одним из первых передовых хлопкоробов, поэтому мое имя знала страна. Но слава проходит, а работа остается с тобой. Девушки, которые ударно трудятся на хлопковых полях, уверенно управляют трактором, работают агрономами и животноводами, давно уже не редкость. На смену мне и моим подругам пришли многие другие, и это — самая дорогая нам награда. А мы — что ж, мы и сегодня не сидим сложа руки. Мукаррам навсегда посвятила себя хлопку, Изро — шелковод, Назокат — учительница.

Я работаю сценаристом, член партийного комитета колхоза. Недавно, когда отдыхала с сыном Ильхамом в Ялтинском санатории «Узбекистан», произошел случай, который взволновал меня до глубины души. Показывали документальную ленту об истории и сегодняшнем дне нашей республики. И вдруг я увидела себя и своих подруг, собирающих на поле хлопок, с белоснежными коробочками в волосах. Были там и кадры о поездке в Москву. После просмотра все окружили меня, поздравляли, а я не могла справиться со сле-

зами благодарности Родине, так высоко оценившей мой скромный труд. Да и не только мой — подруги тоже награждены орденами и медалями.

— В одной из песен тех лет о вас говорится как о «девушке, которой улыбнулось счастье»...

— Да, судьба улыбнулась мне, подарив высшее счастье — приносить пользу любимой Родине.

И. НОРМАТОВ.

несет реальной прибыли. Какую же прибыль может принести логика? Никакой, если мы ее не знаем и не понимаем. Но если найдем прикладной ее аспект, то поле деятельности будет огромным. Взять хотя бы такой важнейший и все же до сих пор остающийся для огромного большинства «китайской грамотой» ее раздел, как логика отношений. Умение осмысленно строить свои отношения с людьми, подчинять себе ситуацию, находить бесконфликтные выходы из тупиков общения — от какого множества шишек, получаемых нами в жизни и поделом, и просто так, ни за что, избавило бы оно нас!

Ведь что получается? Мы набиваем головы нашей молодежи массой нужных и ненужных знаний; приступая к самостоятельной жизни, молодой человек снабжен всем, кроме одного: умения жить в обществе, в коллективе, в семье в ладу с самим собой. А ведь эта наука давно разработана, практически все жизненные ситуации поддаются анализу и вполне прогнозируемы. Мы просто обязаны сделать их достоянием широкой аудитории.

Логика отношений — она есть, она существует, она материальна. А мы все еще общаемся друг с другом методом проб и ошибок. Бьемся, бьемся и если становимся в этом отношении умнее, то уже где-то к сорока-пятидесяти годам. Это зовем жизненным опытом, иногда мудростью. А это не мудрость, это потирание набитых шишек.

Пора уже понять нам всем: люди должны общаться осмысленно. И когда мы этому научимся, тогда научимся и многому другому: не срывать свою злость на других, не ссориться с близкими по пустякам, не быть в старости обузой для детей.

Логика отношений можно дифференцировать: логика отношений продавца и покупателя, подчиненного и начальника, следователя и подсудимого и т.д. Отношения эти разные, но законы, по которым они строятся, общие. И не видеть их — значит умышленно закрывать глаза на очевидное.

Еще одна важнейшая сфера приложения знаний по логике отношений — семья. Большинство браков заключается именно в молодом возрасте. А что такое брак? Отношения между совершенно разными людьми. От того, как сложатся эти отношения, зависит климат в семье, самочувствие ее членов, счастье детей.

Легко понять поэтому, что люди стремятся к знанию законов общения, приводят на занятия друзей, жен, мужей. Одна из моих студенток привела на занятие даже своего отца.

«Ведите себя с другими так же, как вы хотели бы, чтобы другие вели себя с вами» — старая индийская мудрость. Но строились ли на ней хоть какие-то моменты нашего воспитания? Говорили ли нам, к примеру, что отношения между супругами — это фактически отражение человека в зеркале? Наверное, говорили. Но, не включенные в контекст социальных занятий, не усвоенные на практике, эти поучения, к сожалению, в жизни не срабатывают.

Сказать, что в этом плане у нас в стране совсем ничего не делается, было бы неправильным. Есть хорошо известные работы В. Леви «Искусство быть собой» и «Искусство быть другим», «Нестандартный ребенок», но попробуйте их достать! Едва появившись, они стали библиографической редкостью.

А знаменитый американский психолог Д. Карнеги! Его читает весь мир, а у нас полулегально ходит по рукам кустарным способом отпечатанная «Как заводить друзей и пользоваться влиянием». У нас что, друзей очень много, или все мы такие уж доброжелательные?

Помню интересный разговор с одним студентом. Женился он по страстной любви, а сейчас, спустя полгода, ничего, кроме раздражения, жена у него не вызывает. Стали разбираться, вникать в механизм поведения — его, а не ее. Разобрались — и я посоветовала ему попытаться стереотип поведения поломать. Удалось это не без труда. Недавно я его видела. Счастлив, дочка растет. В этом случае человеку оказалось достаточно пристально взглянуть в логику развития событий, взглянуть на себя со стороны. А вот в другом случае совет опоздал.

В девятнадцать лет Ира К. успела выйти замуж, родить ребенка. Но никто не подсказал ей вовремя, что любовь — это не ломка одним супругом другого, не переделывание его «под себя», а стремление понять близкого человека, его логику, поставить себя на его место.

Во время одного из очередных скандалов ее муж выпрыгнул из окна. В результате — калека на всю жизнь.

А сколько таких калек — не физических, моральных, сколько одиноких, неустроенных, оби-

женных жизнью? И разводятся, и озлобляются, и ничьих советов уже не хотят принимать.

Конечно, было бы смешно искать причину всех бед лишь в отсутствии логики в нашем поведении. Любые отношения — это только верхушка айсберга. Внутренние причины лежат глубже. Здесь и экономика, и политика, и многое другое. Необходимо изучать формы отношений, показывать, если они плохи, их неприемлемость и учить тем общечеловеческим, в основе которых лежат ленинские принципы отношений.

Интерес к логике отношений велик, особенно среди молодежи, студентов. Практические занятия по этому курсу превращаются в бурные дискуссии, на которых студенты учатся анализировать, пользуясь всеми законами логического мышления. Но как часто сталкиваешься с несерьезным отношением к тому же самому предмету среди преподавателей, коллег! Самый «неотрашимый» аргумент: «Мы не учили логику и ничего, не пропали». Да, не пропали. Но и умнее, человечнее не стали, и жизнь свою и своих близких лучше не выстроили. Давайте же не отмахиваться от науки, которая сплошь и рядом оказывается куда более насущной и необходимой, чем иные учебные предметы, и имеет, может быть, гораздо более важное прикладное — в самом прямом смысле — значение, чем мы привыкли думать. Не будем уподобляться ильфпетровской Эллочке-людоедке с ее принципом торжествующего невежества — «Не учите меня жить!» Попробуем именно научиться жить так, как предлагает давно уже разработанная наука об общении. Пусть это звучит чуточку забавно — «как пользоваться влиянием, преуспевать по службе и заводите друзей» (добавьте сюда еще «заслужить доброе отношение окружающих, поддерживать мир и лад в семье и, в конечном счете, стать счастливым») — разве не хочется узнать секрет, который поможет всего этого добиться? Итак, начиная с этого номера журнала, — строго по науке «учимся жить»!

Е. КУРНИКОВА.

Осталось добавить, что Елена Ивановна Курникова, под чьим руководством мы с вами, дорогие читатели, будем «учиться жить», уже 15 лет преподает логику в Ташкентском государственном университете имени В. И. Ленина.

“СЧАСТЬЕ В ДОМ ТВОЙ ВЕРНЕТСЯ...”

Следующий зал музея — и вот перед нами первое издание пушкинского «Евгения Онегина» на узбекском языке: перевод его, блестяще выполненный Айбеком, заслужил горячее признание современников.

После этой работы писатель приступил к крупному эпическому полотну «Священная кровь», замысел которого давно вынашивал. Первое издание романа вышло в 1941 году.

Работоспособность, неустанный творческий труд писателя поразительны: проза, стихи, переводы... Есть глубокая закономерность в том, что обратиться к образу великого Навои выпало именно Айбеку, чье место в узбекской литературе уже тогда было совершенно особым. Писатель оказался достойным сложнейшей задачи, которая стояла перед ним, — отразить огромный мир идей и чувств великого восточного поэта и мыслителя. У романа Айбека «Навои» странная и прекрасная судьба. В музее хранится потрепанный, побывавший во многих руках экземпляр романа; пожилой человек, который принес его, много испытал и еще больше повидал на своем веку. Вместе с ним в глухие годы нашей истории книга побывала в тюрьмах и лагерях, тайно хранилась и передавалась из рук в руки. Опасаясь обысков, — ведь читать книги было запрещено, — заключенные хранили ее разьединенные страницы и лишь по ночам, после изнурительной работы, собирали книгу, чтобы вновь и вновь

со слезами на глазах ее перечитывать. Роман Айбека был для людей в этих страшных местах олицетворением родного языка, всего дорогого и близкого, от чего они были оторваны. Он говорил о непобедимости человеческого достоинства, давая волю к жизни и веру в светлые дни. И вот теперь, через много лет, человек, принесший книгу в дом-музей ее автора, рассказал эту историю, отдав долг памяти товарищей, не доживших до этих дней.

В следующей комнате музея нас встречает печальный документ, с которого начался семнадцатилетний период страданий художника, — история болезни Айбека, поразившей его всего лишь в 47 лет. Его работа в последующие годы, не прекращавшийся до последних дней творческий поиск — словно победный гимн Человеку, его негнбемому мужеству. Вот на снимках Айбек, диктующий жене, — это ее рукой записаны целые книги, которые она прочла, угадывая каждое слово по губам потерявшего голос писателя. Это книги, обогатившие национальную литературу.

Творчество Айбека до сих пор изучается критиками и литературоведами, художники воссоздают его облик на своих полотнах. Но самый величественный памятник писателю создал его народ, навсегда запечатлев в своей памяти имя Айбека.

Ш. РИЗАЕВ,
научный сотрудник дома-музея Айбека.

Расположился этот музей в двух зданиях на улице Тазетдинова, где с 1940 года и до последних своих дней жил и работал Айбек. Рабочий кабинет, библиотека, литературная экспозиция, экспонаты — около семисот, — выставленные в комнатах музея, — все здесь освящено именем крупного писателя. А всего сотрудниками музея и вдовой Айбека Зарифой Саиднасыровой собрано более одиннадцати тысяч ценнейших экспонатов, бережно сохранявшихся в течение полувека. У каждого из них — своя история.

Муса Ташмухамедов — будущий писатель Айбек — родился в Ташкенте. На фотографиях мы видим кривые улочки, глинобитные заборы, медресе старого Ташкента. На стендах — книги, окружавшие Айбека в детстве, — Навои, Хафиз, Физули, Суфи Аллаяр... «Чистоте любви, содержательности поэзии, глубине чувств я учусь прежде всего у Навои», — писал впоследствии Айбек.

Вот номер журнала за 1922 год, где напечатано первое стихотворение Айбека. А таким, как на этом снимке, — девятнадцатилетний паренек с пытливым взглядом, — он был в годы учебы в техникуме. Тогда же вышла и первая его книжка — «Чувства».

Потом были экономический факультет САГУ имени В. И. Ленина, Ленинградский институт народного хозяйства и снова Среднеазиатский университет. Об этом периоде жизни писателя рассказывают студенческий билет Айбека, его зачетные книжки. Учась в Ленинграде, юноша с живым интересом следит за культурной и литературной жизнью «северной столицы», знакомится с творчеством русских и зарубежных поэтов — Блока, Брюсова, Уитмена, находя в их поэзии близкие себе темы, искания. Следы этого влияния прослеживаются в вышедших позже поэтических сборниках «Свирели сердца», «Факел», поэмах «Кузнец Джур», «Гульсум», «Трое». Среди этих книг, выставленных на стендах, привлекает внимание членский билет Союза писателей: выданный Айбеку в 1934 году, он подписан Максимом Горьким.

Памятник Айбеку во дворе дома-музея.

Молодой Айбек в кругу друзей.

АЙБЕК
(1905—1968)

День великий придет

Вечер душный, усталый на отдых* залег,
Гаснут на небе огненных маков луга,
Ужин варится, рдеет в золе уголек,
Мать-старуха на корточках у очага.

А над ней, на жердях, тяжелы и плотны,
Темно-красного яхонта гроздь висят.
И, чего-то ища, горячи и жадны,
Ветерки виноградной листвой шелестят.

Пятерых молодцов, одного за другим,
У нее отняла, оторвала война.
И тоскует она по своим дорогим,
Видеть их — нестерпимым желаньем полна.

Голоса их в ушах не смолкают у ней,
Их дыханье горячее бьет ей в лицо.
Все ей чудится: будто шаги сыновей,
Будто звякнуло старой калитки кольцо...

Вот развязывает она кончик платка,
От меньшого письмо полустертое в нем,
Эти буквы писала родная рука, —
Слезы вновь подступают ей к горлу комком...

Призрак сына, кивнув, удаляется прочь.
Пригорел ее ужин, и выстыл очаг.
Краски вечера черным замазала ночь.
Хмурясь, в мрак она смотрит до боли в очах.

У ограды колышутся пять тополей,
Пять друзей, шелестящих, веселых, живых.
И целует им ветви и блещет теплей
Золотая звезда между листьями их.

Мать вздыхает. Она одинока опять.
Тихо шепчутся пять тополей и звезда,
Слез не лей, будь тверда в испытаниях, мать!
Счастье в дом твой вернется, придет навсегда!

Снова даль бирюзовая, песней звеня,
Отзовется — окликнешь, махнешь ли
рукой, —
Непомерною радостью сердце тесня,
Засмеется земля, если ступишь ногой.

По садам, по дворам будут рыскать ветра,
Как гонцы, застучат у дверей матерей.
Не закончив уроки, из школ детвора
Понесется гурьбой по домам поскорей.

День великий придет, день победной весны —
Ты обнимешь своих пятерых сыновей,
Лица их, опаленные жаром войны,
Будешь ласково гладить рукою своей.

И как будто бы солнце ворвется в сердца,
И, смеясь, и от радости слез не тая,
Ты увидишь, узнаешь: как даль без конца,
Засияет прекрасная старость твоя!

1942

Памяти Анны Ахматовой

Все мне кажется: день уберет
дымку памяти с летнего часа,
и на давний высокий порог
выйдет женщина та

величаво.

Точно трудная ей задана,
не по силам задача.

И четко
и ревниво блестит седина
в ее гладкой и черной прическе.
Солнце низится за горизонт,
полнит тысячи глиняных оспин.
Как крыло стрекозиное, зонт
пропускает малиновый отсвет.
Ей, идущей, далеко видна
вся в тенях тополиных дорогах.
В истомленном арыке вода
пробирается в тень понемногу.
А ташкентское лето кипит,
перепутав наречья и лица,
и под цоканьем частым копыт
мостовая горит и дымится.
Но встают перед женщиной той
на экране духовного зренья
кровь, и дымы,

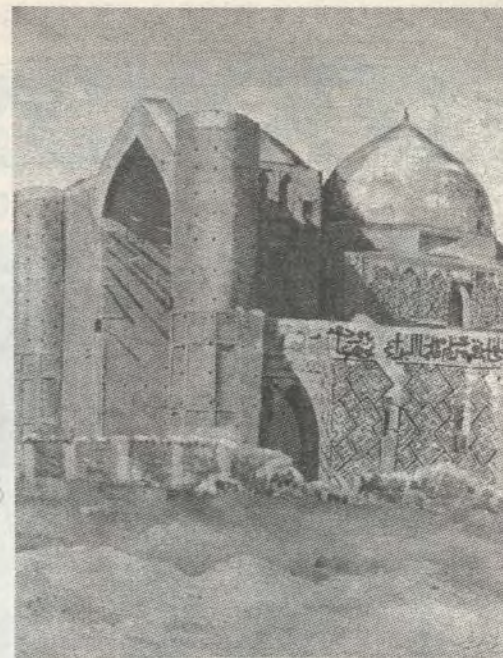
и город пустой —
весь немислимый ад разоренья.
Горе горькое в гору свали —
и под всеми завалами теми
ты не сыщешь уже, где — свои,
где — отчизны скорбящей потери...
Но осанка идущей — стройна,
крылья шарфа недвижны косые.
Полной мерой дала ей страна
горя,

веры

и силы России.

Вижу я в отдаленье глухом,
как черты ее чутки и строги:
в золотящихся струях Анхор
золотые ей жалует строки...

1968

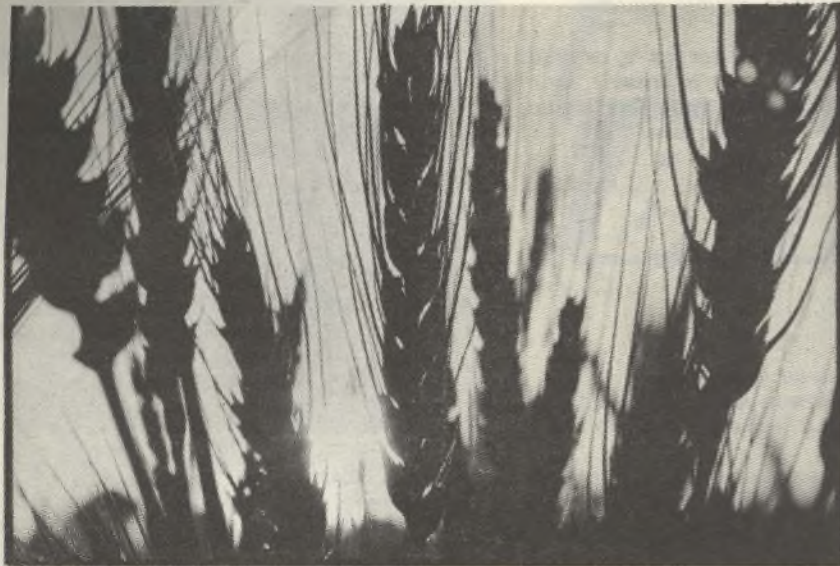
Эта картина, изображающая медресе Ахмада Яссави в Самарканде, была написана Зарифой Саиднасыровой, будущей женой Айбека, всего в шестнадцать лет и принесла ей славу первой узбекской художницы. Картина много лет висела в доме писателя, описание медресе Яссави, построенного в XV веке, когда жил Навои, можно встретить в романе Айбека о великом восточном мыслителе.

Рабочий кабинет писателя.

Фото А. КУДРЯШОВА.

Слово «диалог», появившееся в нашей новой рубрике, — обязывающее. Диалог предполагает участие по крайней мере двух сторон, в данном случае это журнал и его читатели — ваши письма и наши публикации. Но некоторые из читательских писем таковы, что авторам их хочется ответить не опосредованно, а напрямую.

Хлеб сорок пятого года

Шла война. Кишлак голодал. В доме дедушки нас ютилось пять семей. В нашей было три человека — мама, мой брат семи лет и я, пятилетний. Каждое утро дед, подзывая мать, давал ей, как и всем невесткам, пиалушку муки, чтобы можно было сделать болтушку. И что это была за мука — из дикого ячменя, кукурузная или из проса, — не имело значения. Главное, что этой одной пиалы нам троим должно было хватить до следующего утра.

Получив муку, мать не сразу делала затируху, иначе мы бы уничтожили ее за один присест. А ведь нужно было растянуть еду еще на две трапезы. Нам, малышам, вытерпеть до следующего утра было невозможно. Вот потому мать отправляла нас в поле. В каршинской степи уже в феврале начинает появляться великое множество всяких трав. Среди них много съедобных, таких как шпинат, одуванчик, мята, клевер. Особенно полезным и питательным был шпинат. Как только он появлялся, мы начинали охотиться за ним. Помню, как мать мыла собранную нами траву, измельчала ее, потом, положив на дастархан, посыпанный мукой, начинала месить тесто для лепешек. И только после этого посыпала травяную лепешку тонким слоем дедушкиной муки. Эта мучная корочка, впитывавшая в себя влагу трав, нужна была для того, чтобы лепешка не развалилась. Но все равно такой хлеб нельзя было печь в тандыре. Поэтому мать осторожно брала лепешки на круглую рукавицу, которой обычно прикрепляют хлеб к стенкам тандыра, и опускала в разогретый казан. Время от времени их переворачивала. Они быстро обжаривались и покрывались пузырьками, которые тут же, запекаясь, застывали. Так лепешки и назывались у нас «катырма» — «запеканками». Таких запеканок из одной пиалушки муки получалось три. Одну мы сразу делили на три части, как только она была готова. Другие приходилось растягивать до утра.

Кажется, это было в апреле 1945 года: дед не смог дать нам этой пиалушки муки. Мать пошла на колхозное поле, а мы остались дома. Страшно хотелось есть. Что же нам было делать? Ведь и другие дети — и соседские, и двоюродные братья — были такими же голодными.

Вокруг нашего кишлака были заросли колючих кустарников, росла густая трава. Вот мы и отправились большой компанией — старший брат Раз-

зак, я, двоюродные братья Мелибай и Мустафа — в эти заросли собирать травы. Особенно густо росла трава, листья которой напоминают щавель, только пошире и подлиннее, а небольшой корень похож на корень свеклы, очень сладкий на вкус. Накопали мы этих корешков много, потому что земля была мягкой, дома почистили их и наелись до отвала. Но не прошло и часа, как всем нам стало плохо, мы почувствовали недомогание и тошноту, началось головокружение, и мы один за другим потеряли сознание.

Когда я открыл глаза, то увидел, что рядом лежит брат. А над нами стоят мать, дедушка и родственники, и все плачут. Мать просто убивалась. Как нам потом рассказали, трава, которой мы наелись, была ядовитой...

Я поделился с вами только малой частью своих воспоминаний. Для чего? Для того, чтобы хоть как-то попытаться изменить сложившееся ныне отношение к хлебу — оно у многих барски пренебрежительное: дешевый. Вот и летит зачерствевшая буханка в мусорный ящик, и гоняют юные футболисты по полю батоном... А ведь хлеб — не только символ жизни, но и часть нашей памяти о прошлом. Пусть подумают об этом те, кто бездумно произносит: «Никто не забыт, ничто не забыто!» — и упорно не помнит того, чего помнить «не положено». Связь времен, преемственность поколений — она ведь и в том, чтобы помнить огромный путь, пройденный нами, и в самом малом: знать, что значил для голодных детей войны кусок травяной лепешки...

Г. ХОЛЛИЕВ,
преподаватель ТашГУ,
кандидат исторических наук.

Газган — перестройка или долгострой?

Все, что вы увидите в нашем поселке Газган, если попадете туда, вряд ли порадует глаз: грязные улицы, недостроенные дома, детсады, отсутствующие клубы...

Всех этих недостатков наверняка не существует в бумагах и отчетах наших руководителей, но... Как говорится, скажи сто раз «халва», а во рту слаще не станет. Зато всяким завмагам и завскладам живется неплохо: ни начальства, ни милиции не боятся (интересно, почему?), обещивают покупателей средь бела дня да еще и хаяют. Очень мало в поселке образованных людей, квалифицированных кадров. Потому и детей в школе воспитывают кое-как; если и работают один-два кружка, то не чаще раза в месяц. Почему, хотелось бы знать, так долго шагает к нам перестройка?

А. АРТЫКОВА,
Навийская область, Нуратинский район,
пос. Газган.

Здравствуй, «Молодая смена»!

Я давно и внимательно слежу за твоими публикациями, и общее представление об облике издания, основных его тенденциях уже составилось. Представление в общем благоприятное. Жаль только, что журнал так часто компрометирует себя провалами в безвкусицу. Сказано, может быть, резковато, но я могу подтвердить это примерами. Вот очерк «Покупка» (№ 6 за 1987 год) — воспоминания Н. Фазылова об Абдулле Каххаре. Ударная тема, высокое имя, благодарный материал. И автор, кажется, решил выжать из него все, что можно и нельзя. Почему взят для рассказа о писателе, вся жизнь и творчество которого — пример неподкупности таланта, чести и гражданского мужества, весьма незначительный эпизод с покупкой машинки? Да еще упоминается и о том, что Каххар переплатил кому-то за покупку автомобиля 500 рублей.

Редакция журнала, если она не хочет лишиться уважения читателей, должна их предельно от подобных «шедевров» оградить. Так же, как и от «творений» вроде рассказа Ф. Каракуловой «Наваждение» (№ 10 за 1987 год). Это настолько беспомощно, что и говорить о рассказе серьезно, оценивать его как литературное произведение, право же, неловко. Или юмореска «Суженый» в том же номере журнала — она совсем не смешная, претензии к ней те же. Путь к хорошему качеству рассказов, мне кажется, только один: критичнее, принципиальнее подходить к отбору материалов для публикации, предъявлять авторам самые высокие требования и не играть с собой и с читателями в поддавки.

Может быть, имеет смысл создать читательское жюри по определению лучших публикаций каждого года?

Предлагаю над этим подумать вместе и вынести предложение на суд читателей.

С уважением
И. МЕДВЕДЕВ,
г. Газалкент.

ЕЩЕ О МУЗЫКЕ

О ней — половина писем, что приходят в редакцию. Один школьник сообщил, что поставил Узбекскому телевидению ультиматум: если ТВ не покажет большую программу с участием ансамбля «Модерн Токинг», то он бросает школу. Его любовь к этому дуэту разделяет Айбек Ахмедов из Ленинска. Мадина Джамалова из Ташкента начала свое письмо аршинными лозунгами: «Да здравствует рок! Да здравствует «Пинк Флойд» — отец рока!! Смерть диско!!!» — и сообщила, что без рока и ансамбля «Пинк Флойд» не мыслит себе жизни. Что ж, такую горячую приверженность современной музыке можно только приветствовать, конечно, с известными оговорками — без пожеланий смерти какому бы то ни было музыкальному направлению и оставляя за каждым слушателем право любить то, что ему хочется. Но все-таки — почему именно рок без потерь продолжает свое победное шествие, завоевывая все новых поклонников, тогда как за последние десятилетия захирели многие и многие скоропалительно родившиеся жанры? Взять даже неотразимых Дитера Болена и Томаса Андерса, казалось, воплощавших само понятие успеха, — все настойчивее становятся слухи о том, что дуэт распался, так или иначе увлекая за собой в забвение целое направление в музыке — «диско», точнее, «евродиско». Очевидно, феномен рок-музыки, хоть и подверженной неизбежным трансформациям сообразно требованиям каждого нового поколения, но тем не менее поразительно жизнеспособной, специалистам предстоит еще исследовать. А другие течения музыкального океана — не окажутся ли они такими же недолговечными, как «диско»?

Успех — вещь жестокая, зрительские симпатии переменчивы, как — если уж продолжать аналогию — ветер на океанских просторах. Остаются в памяти публики только лучшие, мастера на все времена, такие, как Дюк Эллингтон, Луи Армстронг, Поль Мориа, Элла Фитцджеральд, великолепная четверка из Ливерпуля. Другие имена, еще вчера сиявшие подлинным золотом, сегодня почему-то померкли, прочно забыты мелодии и песенки, только недавно бывшие «на слуху». Кто может объяснить, почему так внезапно упал интерес, скажем, к творчеству Демиса Руссоса, Карела Готта, Элтона Джона, Сюзи Кватро, группы «АВБА», бывших более чем популярными всего пару лет назад? Тревожный симптом, информация к размышлению для вас, юные поклонники Майкла Джексона, обожатели Мадонны и четы Пауэр: кто знает, что принесет им и вам завтрашний день?

Но ведь есть и другая музыка, что времени неподвластна, — так же, как и лучшие образцы эстрады, рока, джаза. Это классическая и народная музыка. Ее большинству юных меломанов еще предстоит открыть для себя. Большинству — по крайней мере, судя по письмам, пришедшим к нам в редакцию. (Исключение составило, пожалуй, лишь письмо Джуры Мусаева, проживающего в Калининском районе Ташкентской области, — он делится впечатлениями от книги Абу Насыра Фароби о традициях и ритмической основе восточной музыки.) Хорошо или плохо то, что большинство молодежи знакомо пока только с музыкой развлекательной, — обсуждать сейчас вряд ли имеет смысл. У наших юных читателей ведь все впереди. Ну, а тех, для кого открытие задуманных народных песен, Моцарта, Грига и Рахманинова так и не произойдет, стоит, наверное, пожалеть. И вспомнить, что музыка эта, как и бессмертная Мона Лиза, тоже «уже может сама выбирать, на кого ей производить впечатление, а на кого нет». Поэтому, друзья-читатели, любите в музыке то, что вам хочется, не отменяйте при этом и того, что пока непонятно. Не обедняйте себя, признавая из всего огромного звучащего мира только один жанр или направление. И обо всех своих музыкальных открытиях, по-новому услышанной мелодии, иначе прочувствованной композиции, внезапно вспыхнувшей любви к «хэви метал» или старинному русскому романсу — пишите нам! Ждем. Адрес прежний.

Л. ШАХНАЗАРОВА,
сотрудник общественно-политического отдела
журнала.

УРОКИ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Звуки ж, ч, ш. Узбекский взрывной звук «ж» произносится как английский «dz» в словах «job» (работа), «june» (июнь), «language» (язык), «just» (точно). Такой звук — как, например, в узбекских словах «жука» (цыпленок), «жйида» (джида) — отсутствует в русском языке. Кроме того, в узбекском языке есть еще звук «ж», который произносится как русский «ж» в словах «журнал», «прожектор», «жанр». Сравните их с узбекским звуком «жк»: «жйида нон» (круглая пышная лепешка), «аждар» (дракон), «мужда» (радостная весть).

Согласный «ч» произносится как русский «ч» в словах «ученик», «рабочий», «точно», «чулки». Сравните их с узбекским звуком «ч»: «йкувчи» (ученик), «чўпчак» (сказка), «олча» (вишня), «гуруч» (рис).

Звук «ш» произносится как русский «ш» в словах «шпанка», «пешком», «прошедший». Сравните их с узбекским звуком «ш»: «шаккар» (сахар), «кундош» (согласный), «олмош» (местоимение).

Принадлежность имен существительных. В узбекском языке для указания принадлежности предмета тому или иному лицу к существительному прибавляется притяжательный суффикс. Значение притяжательных суффиксов в узбекском языке передается через притяжательные местоимения, которые принимают формы единственного и множественного числа, первого, второго и третьего лица. Примеры: китоб + им — моя книга, китоб + инг — твоя книга, китоб + и — ее (его) книга, китоб + имиз — наши книги, китоб + ингиз — ваши книги, китоб + (лар) и — их книги. Если существительные оканчиваются на гласный звук, форма притяжательного суффикса иная: ота + м — мой отец, ота + нг — твой отец, ота + си — ее отец, ота + миз — наш отец, ота + нгиз — ваш отец, ота + (лар) и — их отец.

Значение принадлежности в узбекском языке может быть выражено двумя способами одновременно: притяжательным падежом личных местоимений (суффикс -нинг, который отвечает на вопросы кимнинг? ниманинг? кимларнинг? нималарнинг? — кого? чего? чей? чья?) и соответствующими притяжательными суффиксами, которые присоединяются к существительному.

Менинг Ватаним — моя Родина

Сенинг Ватанинг — твоя Родина

Унинг Ватани — ее (его) Родина

Бизнинг Ватанимиз — наша Родина

Сизнинг Ватанингиз — ваша Родина

Уларнинг Ватан (лар)и — их Родина

В узбекском языке суффикс -нинг употребляется, когда речь идет о принадлежности именно данному, конкретному предмету или человеку, или если существительное имеет перед собой определенное слово.

Каримнинг китоби — книга Карима

Пўлатнинг ёзма иши — письменная работа Пулата

Менинг бахтим — мое счастье

Сенинг бахтинг — твоё счастье

Унинг бахти — ее (его) счастье

Бизнинг бахтимиз — наше счастье

Сизнинг бахтингиз — ваше счастье

Уларнинг бахт (лар)и — их счастье

Когда же имеется в виду существительное в общем, неопределенном значении, суффикс -нинг не употребляется.

Синф бурчаги — классный уголок

Мактаб ўқувчиси — ученик школы

Шахар кўчаси — улица города

Синф деразаси — окно класса

Пионерлар хонаси — комната пионеров

Колхоз бригадаси — колхозная бригада

В разговорной речи, в том числе в ташкентском диалекте, суффикс -нинг употребляется в форме -ни. Например: «деразани ойнаси» — окно рамы, «эшикни банди» — ручка двери, «болани қўли» — рука ребенка.

Значение принадлежности в узбекском языке может выражаться еще суффиксом -ники. В этом случае слово с суффиксом -ники выполняет функцию сказуемого.

Портфель ўқувчини — портфель ученика
Галстук Каримники — галстук Карима
Китоб кимники? — чья книга?
Китоб меники — книга моя.

Диалог:

- Бу кимнинг дафтари? — Чья эта тетрадь?
— Бу менинг дафтарим — Эта моя тетрадь.
— Сенинг китобнинг кани? — Где твоя книга?
— Менинг китобим мана. — Вот моя книга.
— Унинг ручкаси кимда? — У кого его (ее) ручка?
— Унинг ручкаси Салимда. — Его (ее) ручка у Салима.
— Бизнинг дарсимиз каерда? — Где наши занятия?
— Бизнинг дарсимиз лабораторияда. — Наши занятия в лаборатории.
— Сиз (лар)нинг диктантингиз қани? — Где ваши диктанты?
— Бизнинг диктантимиз шкафта. — Наши диктанты в шкафу.
— Уларнинг жавоб (лар)и яхшими? — Их ответы хорошие?
— Ҳа, уларнинг жавоб (лар)и яхши. — Да, их ответы хорошие.
— Бу сурат кимники? — Чья эта картина?
— Бу сурат меники. — Эта картина моя.
— Бу дарслик кимники? — Чей это учебник?
— Бу дарслик уники. — Это его учебник.
— Сенинг китобнинг қани? — Где твоя книга?
— Менинг китобим мана. — Вот моя книга.
— Салимнинг дўсти қани? — Где друг Салима?
— Салимнинг дўсти кутубхонада. — Друг Салима в библиотеке.

Задание. Выучите следующие слова, словосочетания и предложения:

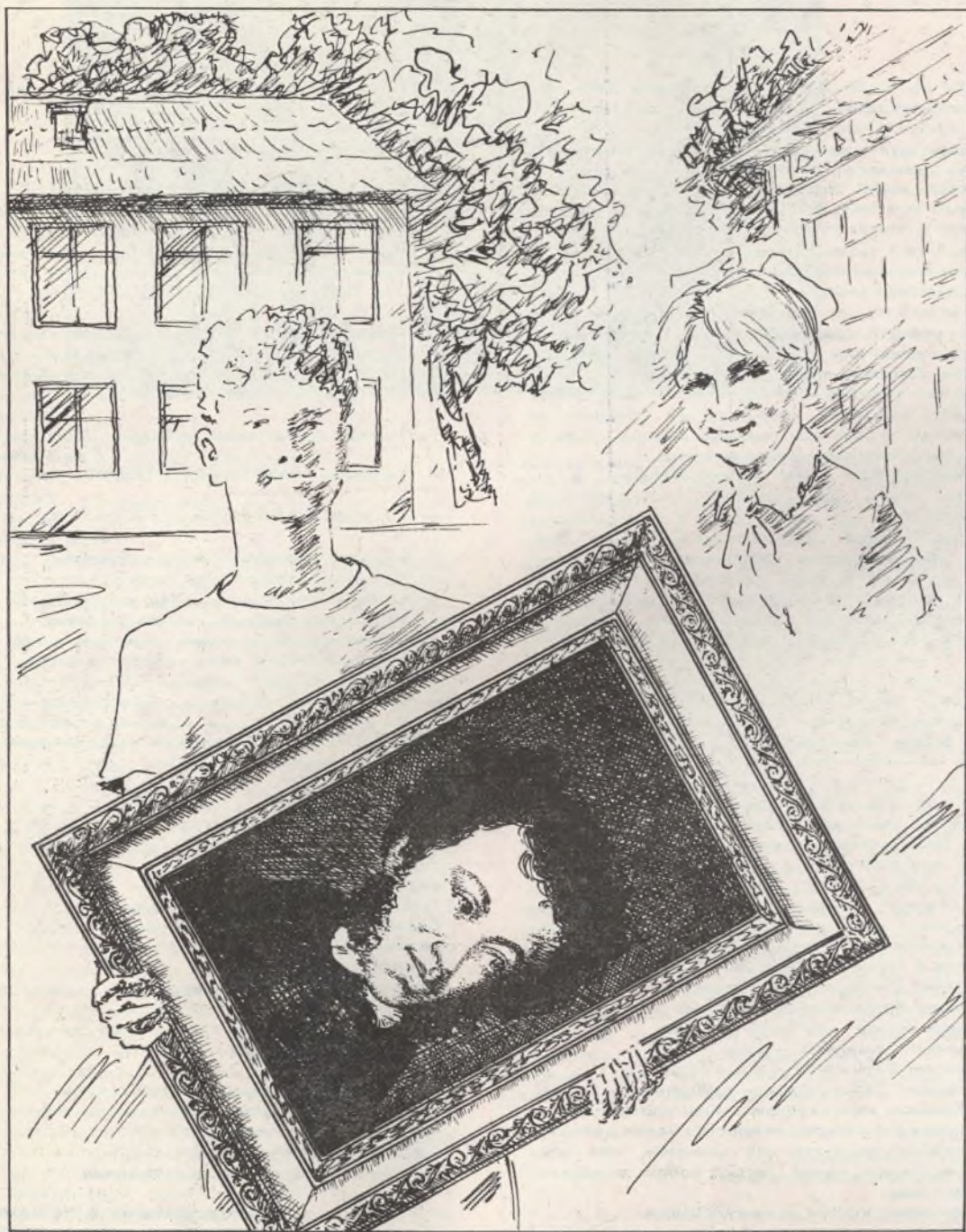
- онам — моя мать
отам — мой отец
опам — моя старшая сестра
акам — мой старший брат
синглим — моя сестренка
укам — мой братишка
бизнинг оиламиз — наша семья
бизнинг мактабимиз — наша школа
сизнинг ўқитувчингиз — ваш учитель
меники — мой (моя, мое)
сеники — твой (твоя, твое)
уники — его (ее)
бизники — наш (наша)
сизники — ваш (ваша)
уларники — их
қалам меники — карандаш мой
ручка сеники — ручка твоя
галстук уники — галстук его
мактаб бизники — наша школа
устахона бизники — наша мастерская

Урок подготовил Х. УСМАНОВ,
старший преподаватель РПИРЯЛ,
кандидат филологических наук.

ПОРТРЕТЫ КЛАССИКОВ

Из невыдуманных рассказов

Я учился в 21-й ташкентской школе. Тогда там было два этажа, потом, при нашем участии, надстроили еще два. Мы, уже просвещенные и ироничные старшеклассники, назвали их новой надстройкой над старым базисом... Теперь здесь музыкальная школа, типовой микрорайон. Он вырос на месте разрушенной потом землетрясением знаменитой Кашгарки, тоже «типовой» для старого Ташкента, застроенного в основном саманными особнячками. Узкие, окаймленные дувалами и одноэтажными фасадами улочки Кашгарки вливались у нашей школы в уютную тополевою улицу Ленина — тогда еще не проспект.

Жизнь в начале 50-х была нешумной и несуетливой, но никак не проще нынешней. Конец сталинской эпохи, лишь внешне монолитной, но многое накопившей в свой толще такого, что не могло не нарушить монолит, под руководством вождя усердно создаваемый. Жесткие конструкции не везде и всегда хороши: неподвижность не

гасит естественно нарастающего напряжения. Вместо того, чтобы вместе естественно видоизменяться, они лишь давят друг на друга — конструкция и напряжение, и это не может продолжаться бесконечно...

Как мы тогда говорили: «Ленин умер, но дело его живет». Сталин тоже совсем недавно умер, и его дела тоже как будто бы жили, хотя об этом говорить быстро перестали. Уцелевшие фронтовики, еще молодые, носили ордена и медали — и героика войны была совсем свежа. Но ордена с медалями тускнели и на рваных грязных кителях и тельняшках нищих пьяных инвалидов. Люди еще умели работать хорошо и беззаветно, не оглядываясь покуда на множившихся артельщиков в синем бостоне с толстыми супругами в бриллиантах... Еще жив был естественный, не потерявший себя в громких лозунгах интернационализм, привычное теплое братство хозяев и эвакуированных, вместе выстоявших голодные и холодные военные и послевоенные годы. Но уже снова разводили людей устрашающим отголоском

ежовщины крикливые кампании против «космополитов» и «врачей-убийц», якобы погубивших великого вождя, обреченного, очевидно, на физическое бессмертие, не говоря уже о духовном.

И все дальше расходилось слово и дело, а обещанный Сталиным — в той песне «мудрым, родным и любимым» — послепобедный, долгожданный «праздник на нашей улице» наступал почему-то в основном на улицах главных, населенных «начальниками» и крупным жульем. Он объединял их, этот странный праздник...

Упрямое, не истребимое до конца стремление людей к достоинству и культуре все ниже сгибалось под тяжестью все более упрощавшегося одномыслия и необходимости угодничества, которые именовались истинным патриотизмом.

Еще пелись и сочинялись новые прекрасные «песни советских композиторов», но уже снова запретили джаз, — хотя «Джона Грея» и «Катюшу» написал один человек, а людям после боя и после отбоя нужно было и то, и другое.

Катаклизмы в природе и в жизни, наверное, схожи по механике, но по времени редко совпадают. В шестьдесят шестом Кашгарка оказалась в эпицентре ташкентского землетрясения. А почти за полтора десятилетия до того Кашгарка — пестрая, многонациональная, многоликая — и наша школа были для нас эпицентром всего на свете.

Мы, подростки, учились, как бывает всегда, «делать жизнь с когю», выбор был разнообразный, потому что в школе многое и разное расцветало одновременно.

Помню радостные субботники на строительстве школы, «Пахтакора» и сооружении фонтана перед театром имени Навои. Не улицы подметали — «пахали» по-настоящему, украшая не избалованный стадионами и фонтанами город, — оттого и радость. Была хорошая самодеятельность — именно самодеятельность. Мы сами, часто без всякого участия взрослых, ставили драматические спектакли, концерты и даже отрывки из опер. Еще бы! Моим одноклассником и приятелем, например, был Стахан Рахимов (впоследствии популярный эстрадный певец), к тому же классный боксер и рисовальщик. А на класс старше учился Батыр Закиров — тот самый, не другой...

В школе, убогой, старой, не имелось спортзала, но под руководством хромого и неумолимого бывшего военного летчика Владимира Афанасьевича все бегали, прыгали, играли в волейбол, у нас выросли чемпионы республики и вторые перчатки страны, даже, кажется, два олимпийских чемпиона. Все держалось на чистом энтузиазме нескольких педагогов и самих ребят.

Энтузиазм же дирекции во главе с вконец проворовавшимся и снятым впоследствии Тюриным (его сменил умный, деятельный, циничный карьерист, далеко пошедший), а также пионерских и комсомольских лидеров был направлен на другое. На плановые, нестерпимо однообразные скучные собрания и линейки с бессмысленным галденем «речевок», на украшение пионерской комнаты, куда и вход запрещался, на красивую отчетность перед роно и прочими еще выше стоящими органами.

В школе было много «запущенных» кашгарских ребят, в основном из семей, где отцы погибли на фронте или умерли от ранений. И пока одни выходили в чемпионы и лауреаты разных смотров, другие открывали счет первым крупным судимостям за поножовщину и грабежи, сразу минуя стадию «приводов» в детские комнаты милиции за мелкое хулиганство.

Подростки многое еще понимают и могут четко сформулировать, но чувствовалось все остро. Мы, школьная «интеллигенция», страдали оттого, что «страшно далеки от народа», что трудные ребята снисходительно посмеиваются над нами и нашими концертами, живут какой-то другой, неприглаженной и жестокой, но подлинной жизнью. Болезненное ощущение какой-то вины перед ними, разрыва слова и дела и страстное желание нечто восстановить в рвущейся «связи времен» не могло не привести к конфликту со школьным комсомолом, с уютным невмешательством ни во что формальных наших лидеров. Мы же хотели делать дело, в этом видели смысл

понятия «комсомольская работа» — ведь работа же! Ну а наши вожаки, безошибочно рекомендуемые сверху, разве что делу мешали... Кстати, из-за затяжного конфликта на этой почве в комсомол я был принят только к самому окончанию школы — и то чтоб не портил благополучного очмета об охвате.

Однако конфликт с нашими безликими жожаками (ведь никого из них не помню!) на комсомол и школу в целом мы не перенесли. Не для нескольких болтунов стараемся! Правда, была в этом доля самодовольства незаменимых профессионалов-«спецов», как говорили в 20—30-е годы. Ведь те же наши недруги (а куда им деваться, сами же ничего не умели — только «руководить») то и дело прибегали: стенгазета нужна, районный или городской смотр самодельности на носу, команду необходимо выставить на спартакиаду... Тут наша спесь пасовала: нужно — значит, нужно. Хотя уже заранее знали: по поводу сатирического раздела газеты или репертуара концерта стычки «исполнителей» с чересчур осторожными «организаторами» не миновать... Словом, у меньших было то же, что и у старших, разница только в масштабах...

«Развод» правды и благолепного фасада питал вкусы и пристрастия. Помню, как сразу возненавидел, неведомо за что, кудрявого хорошенького поэттика-вундеркинда, тоненько выкликавшего на сцене перед делегатами городского пионерского слета нечто складное и сладкое, именно в этом зале уместное. Наверное, он был искрещен в своем инстинкте, я — тоже: слишком многое в жизни оставалось за пределами этого «творческого метода». Такой свет не отбрасывал теней... К тому времени я ведь прочел уже незабвенного Гайдара — это чистое зеркало детской души, прочел и «Судьбу барабанщика», и «Голубую чашку», невольное сравнение вундеркинда революции и вундеркинда бюрократии к душевному покою не располагало...

Не о том, впрочем, речь. Я лишь подвожу к случаю, — ничего особенного, но он многое для меня прояснил в дальнейшей жизни, впервые заставил вглядываться в нее без страха, но и без слепого умиления.

В школе проходила очередная кампания по сбору металлолома. Дело святое, но по опыту мы уже знали, что в веселом поту собранное нами добро будет долго ржаветь и рассыпаться в прах на школьных задворках. Кампания же! И мы решили стихийно, как теперь говорят, перейти на самокупаемость — не корысти, а пользы ради. Выполнив общий план, организовали дополнительный сбор сами, вне общей кампании, сами отвезли на раздобытых тачках и сдали на приемный пункт груды старых кроватей, мятых примусов, почерневших штыков и стреляных гильз и еще всякой железной и медной всячины — благо пластмассы и прочей синтетики в нашем быту еще не завелось. А на вырученные деньги под руководством классного руководителя Тамары Павловны купили в знаменитом тогда «Узкитабе» — замечательном книжном магазине № 1 по улице Карла Маркса — портреты классиков. Бigger размера, блистающие золотом багета, писанные маслом Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Толстой («реакционного мистика» Достоевского тогда не проходили, из Блока — только «Двенадцать»), Чехов, Горький, Маяковский прошествовали на «наших двоих» через весь центр Ташкента — не на грязных же тачках было везти классиков. Славная вышла демонстрация! По дороге мы, правда, то и дело натыкались друг на друга, ибо шли почти вслепую. Но зато наш бедный класс к вечеру засветился в межкомнатных простенках свежими красками, одухотворенными лицами великих!..

Радостно, в духе пионерских песен, шагалось следующим утром в школу. Я сам, хотя вообще-то часто опаздывал, пришел одним из первых. Распахнул дверь класса... Ощущение было, пожалуй, хлеще удара по башке тяжелой скамейкой, заболело приставляемой в качестве дежурной дружеской шутки к створке. «Кто? Где?» — спросил растерянно. Несколько раньше пришедших ребят недвижно сидели за своими партами. Словно не веря глазам, я сделал несколько шагов вперед. Простенки были голы — ничего, кроме осточертевших знакомых грязных пятен штукатурки...

В тишине поскрипывала крышкой парты одна из наших «новеньких» девчонок, — они все тогда были новенькими, только в этом году появившись в нашей школе после многих лет раздельного обучения, смягчению нравов не способствовавшего. (Мы, юные дикари, встретили их отчужденно, они, в свою очередь, независимо уселись все на один из трех рядов. Признаюсь, я был первым, кто, будучи, наверное, наиболее одержим неясной тягой к прекрасному, пересел на этот ряд. Целый месяц меня дружно обстреливали из резинок оба остальных ряда, среди бумажных снарядов

попадались и проволочные «скобки». Во имя туманных идеалов я терпел, хотя ничего не получал в вознаграждение: меня сторонились и те, и эти... Но через месяц пересел второй, третий — и началась для нас волнующая пора необычных дружб и любовей).

...Людка перестала, наконец, раскачивать крышку, дернула себя за кончик косы с бантом и, не поднимая прекрасных карих очей, тихо сказала: «Только что пришли и сняли, к себе потащили. — И добавила еще тише: — Девятый «а».

Все сразу стало ясно. Этот девятый был у нас самым хулиганским классом, хотя ребята там подобрались в основном из семей весьма благополучных. Потому и «успеваемость», и «посещаемость» там всегда были в ажуре. Они-то никого не грабили, но держались вместе и держали в страхе школу.

«Пошли», — сказал я и направился к выходу из нашего восьмого «г». Никто не двинулся следом, даже когда я оглянулся.

Пошел сам и увидел наших классиков на их стене. Порядок был неправильный, хронология развития русской литературы сильно пострадала. Но морды самочинных хозяев лоснились наглым довольством, даже их девчонки как-то успели перенять этот уверенный блеск глаз. Глаза же классиков, казалось, таили растерянность, просили защиты. «Ну?.. — ожидающе произнес один из заводил и небрежно бросил: — Стукнешь — пожалеешь». Я ретировался.

На третий урок явилась Тамара Павловна. И тут же затрещала небогатые локоны дешевенького перманента. «Кто? Где?» — спросила она строго. Все молчали. Она гневно повторила вопрос. Все молчали. «Ребята, — жалобно протянула литераторша, — в чем дело?» Все молчали. Мы любил свою Тамарушку (а она нас, больше ей некого было любить), и мне стали невыносимы ее страдания. «Девятый «а», — сказал я. Тогда замолчала учительница. И как-то сразу успокоилась.

«Ребята, — смиренно произнесла она, — сегодня мы продолжим тему «Образы молодого поколения»... Я жил тогда уже у Бешагача, напротив солидного «Дома специалистов», населенного военными в крупных чинах, артистами, профессурой. Но из родной школы не ушел, хотя ходить было далеко вато.

Актив девятиклассников — человек с десятком — перехватили меня на середине улицы Ленина, у торца публичной библиотеки. Окружили, не обращая внимания на прохожих. Первым ударил самый маленький, но крепенький — сын местного известного писателя, живший тут же за углом, на Сталина. Он стал бы отличным «мушачком», но вскоре спился, зачух... Быстро сбили с ног, немного, но с отяжкой, с удовольствием, попинали ботинками и разошлись. Я поднялся, отер платком кровь, отряхнул с брюк и модной дешевенькой «вельветки» густую тогда ташкентскую пыль, подобрал портфель. В ушах звенело. Тронулся помаленьку в путь.

В качестве примечания здесь стоит заметить, что «настоящие» наши хулиганы стаями не ходили и «своих» никогда не трогали — не из особого человеколюбия, должно быть, а от того, что «интересы» у них были посерьезнее.

Почему-то горше всего ощущалось то, что среди обидчиков оказался Валерка Белоглазов, рослый красавец, любимец девчонок, наш «чтец-декламатор». Кличка у него была «Мимоза», — признаюсь, пустил ее «в народ» я: Валерка собирался поступать в недоступный МИМО. Не знаю, поступил ли, стал ли...

Думалось еще почему-то: будь здесь или тогда, утром, Батыр Закиров (он учился как раз в этом классе), ничего бы не произошло. Может, и классиков бы вернули. Но Батыр был скорее школьной легендой, он и на занятиях-то почти не появлялся: уже тогда страдал туберкулезом, по шесть месяцев в году лечился где-то в Ялтинском санатории... Да мало ли о чем думается подростку в подобных ситуациях. Особенно когда он остался один. А награда и утешение герою — первая любовь с той самой Людкой — она еще впереди, еще только со следующей учебной четверти...

У крови сложный привкус. Постепенно сквозь горечь унижения и поправной справедливости, сквозь стыд за разбитое запухшее лицо пробилось даже некое сладковатое чувство гордости, что ли. Ну, в юности огорчения таят скоро.

Позднее случались, конечно, уроки и покрусче (может, расскажу и о них когда-нибудь), и проходило не так быстро. Но то был первый урок. И он, как видите, запомнился. Каждый в таких случаях делает свой вывод, свой выбор. Я свой сделал, и о том не жалею.

А классики?.. Что ж, портреты, конечно, остались пылиться в том девятом. О них тоже забылось. Жизнь и живое общение с литературой, живые, не графические Пушкин, Лермонтов, Толстой и Достоевский взяли свое. На то и классики.

Барат ИСРАИЛ

Обсерватория Улугбека

На площадке на вечный гранит

Поднялся Улугбек.

Он на звездное небо глядит

Из-под бронзовых век.

Он стоит на холме во весь рост,

Думам удержу нет

О движеньи бесчисленных звезд,

О круженье планет:

«Вот Меркурий, Венера и Марс —
Им ли вечность дана?

А Земля, что опора для нас, —

Неподвижна ль она?

А быть может, и нашей Земле,

Как одной из планет,

Все кружиться в космической мгле

До скончания лет?»

Улугбек вычислял искони

Ход небесных светил,

«Зиджи-и джедид-и Гургони» —

Книгу звезд он сложил.

Он забыл: платят жизнью порой

За свободу ума...

Во дворце посетителей рой,

И просителей тьма...

Ночью молкли сует голоса

И прибор приближал небеса.

* * *

Для голодных свет разума — прах,

Им наестся бы всласть.

Нищий хочет быть шахом, а шах

От меча может пасть.

У судьбы все давно решено.

Равнодушен и меч:

Царь ли, нищий — ему все равно,

Лишь бы голову сечь.

Коль палач над тобой господин —

Даже сан не спасет.

Кто мог думать, что собственный сын

Улугбека убьет?

Только вечен закон бытия:

Пусть ликует подлец,

Но история лучший судья —

Жертве отдан венец.

Улугбек стоит во весь рост,

Он исчислил пути

Тысячи восемнадцати звезд.

Тут его несменяемый пост.

И с него не сойти!

Одинокое дерево

Моему учителю Миртемиру

Росло одинокое дерево

в необозримой пустыне.

Что от собратьев заставило

дерево это уйти?

Птицы искали пристанища

в нем под ветвями густыми,

Располагался в тени его

каждый заблудший в пути.

Бури жестоки песчаные,

люты пустыни законы.

Но человеку преграда ли

нравы суровой земли?

Дни обжигаючи знойные,

долгие ночи — студены.

Вот и с востока и с запада

к дереву путники шли.

А одинокое дерево

всех их радушно встречает,

Дарит всем тень одинаково —

не было тени добрей!

Есть у нас люди похожие:

боль их чужая печалит,

сами спешат они с помощью

к тем, кто нуждается в ней.

Перевод с узбекского Р. МОРАНА.

ДО ВЫЯСНИВАЮТ МАСЛАКОВ

Есть в нашей стране труднофиксируемая категория людей, не поддающаяся, возможно, даже всесоюзной переписи населения. Чаще всего ее представителей называют хлестким презрительным словом «бомж» — от милицейской аббревиатуры, означающей «без определенного места жительства». Дополню: как правило, не имеющих ни документов, ни постоянной работы.

Любопытный факт: на такие крупные города, как Москва, Ленинград, Ташкент, «бомжей» приходится по несколько сот тысяч на каждый. Примечательно, что к «свободному полету» все чаще прибегают люди молодые. Бывает, что они живут в одном и том же городе годами, но чаще путешествуют. Миграция из одного региона страны в другой имеет свои закономерности, определяемые климатическими условиями, наличием сезонной работы, социальным составом коренного населения, его доходами и т. д.

В этих заметках автор, не претендуя на социологический анализ бродяжничества, ни тем более на морализирование, попытается рассказать о судьбах некоторых молодых людей, оказавшихся в приемнике-распределителе. Так официально именуется учреждение МВД, где граждане, задержанные при вызывающих подозрение обстоятельствах без документов, удостоверяющих личность, находятся до выяснения личности.

Одна оговорка — автор вынужден использовать вымышленные фамилии, исходя из следующих соображений: во-первых, не создавать дополнительных помех следствию, которое, возможно, уже (или еще) идет в отношении кого-то из здешних моих собеседников; во-вторых, по просьбам самих ребят, для кого «путешествия из Петербурга в Москву» утратили былую романтику, для кого прошлое, в случае публикации, может стать помехой в будущем, служить поводом для осуждения родителей, близких. Что касается других фактов, то они — подлинные.

«Ташкент — город хлебный»

В маленькую комнатку в полуподвальном помещении, густо облепленную мухами, с облупившимися от постоянной сырости коричневыми панелями, Николай Маслаков вошел тихо и неуверенно. Внешняя, если только не показная робость, думается, была вызвана отсутствием информации: кто вызывает, зачем, что за этим последует. Три недели назад он еще болтался на главном железнодорожном вокзале Ташкента. Четвертую неделю здесь. За это время сотрудники милиции установили его фамилию, имя, отчество, факт нарушения закона о всеобщей воинской обязанности. Во время осеннего призыва прошлого года и весеннего нынешнего он, несмотря на неоднократные повестки из военкомата, не явился на призывной пункт. Говоря юридическим языком, налицо явное уклонение от прохождения действительной воинской службы. Но не спешит с окончательным выводом помощник районного прокурора по делам несовершеннолетних Георгий Арустамов.

— Ты понимаешь, пацана жалко, — сказал он мне по дороге. — Ну, передадим мы дело в суд, осудят его, а дальше что? Скажу откровенно, шансов у него потом на нормальную жизнь — минимум. Это в теории: отбыл наказание, все поаял, исправился. Практика же показывает, что после отбытия наказания рецидивы случаются куда чаще.

...Маслаков сел на единственный стоящий в комнате стул. Грязная, потерявшая цвет, но приобретшая запах рубашка, такие же брюки, кроссовки на босу ногу.

— Что делал в Ташкенте? — Арустамов переходит сразу к делу.

— Учился в ПТУ.

— Да не учился ты, числился! На занятия не ходил, в общежитии не ночевал, мать с ног сбилась, тебя ищет. Почему не хочешь служить в армии?

— Я хочу, — глаза — в пол, руки теребят штаны.

— Значит, так, — помощник прокурора раскрыл папку, — вот тебе лист бумаги, ручка. Если хочешь служить в армии, пиши, что обязуешься после освобождения из приемника-распределителя добровольно явиться в военкомат на призывной пункт.

Молча пишет. В трех предложениях восемь орфографических ошибок. Арустамов перечитывает заявление, кладет его в папку. Затем Маслакову:

— Ты пойми, Николай, для тебя сейчас два реальных выхода из создавшейся ситуации. Первый — это пойти под суд за нарушение закона, второй, наилучший, — честно служить в армии. — Разговор приобрел жесткий характер, но таковы уж профессионалы. — Выбирай.

— Пойду служить, — и вновь взгляд в пол, пальцы нервно пытаются выдернуть из брюк нитку.

... — Думаешь, что он все уяснил? — спрашиваю на обратном пути.

— Посмотрим, гарантии давать не берусь. — Георгий на секунду задумывается. — Я смотрел его данные. Отца нет, дома неладит с матерью, вот и решил поехать подальше. Но видно, и СПТУ его не прельщает — поступил, чтоб крышу над головой иметь. В случае чего, вот я, дескать, учусь.

— Судя по делу, он скитался три месяца. Как и на что жил?

— Говорит, кормили, вагоны разгружал, но это маловероятно. Ты же его видел: физическое развитие пятнадцатилетнего, умственное, боюсь, и того меньше. Подкармливать, возможно, и подкармливали, но работать — нет, не работал.

Позже я узнал, что под свою личную ответственность Георгий Арустамов забрал Маслакова из приемника-распределителя, дал ему денег на еду, стрижку, баню. Выделил из своего гардероба рубашку. Отправил парня на призывной пункт.

Но среди новобранцев Маслакова не оказалось.

Позже я спросил помощника прокурора, допускал ли он подобный финал.

— Честно говоря, да. Но хотелось дать парню шанс. Думаешь, он один такой? — И после некоторого молчания: — Что ж, этот для себя выбор сделал. До армии какое-то странное представление о жизни, точнее, о наказании, которое неизбежно последует за нарушение закона. Верить, нет — приводят таких в кабинет, я плечами пожимаю: откуда такая наивность? Недавно одного задержали за грабеж. Отирался с друзьями возле школы, останавливал малышей — второй-третий класс, забирал у тех деньги, вещи, если хорошие. Спрашиваю, так ли это было в действительности? «Нет», — говорит. А как же? Мы, отвечает, деньги у них взаймы просили, а вещи поносить — мол, потом, вернем. Называю ему соответствующую статью уголовного кодекса, меру наказания, так он чуть ли не героем себя считает. В его понятии тюрьма или лагерь — это балдеж на нарах с распеванием блатных песен под трогательным покровительством «паханов» и воров в законе... Знали бы правду...

Задержали на чердаке группу подростков. Бунгало там себе устроили. Постели, магнитофон, приемник, импортное барахлишко. Приезжие. Спрашиваем: почему Ташкент выбрали? А у вас, говорят, город хлебный, все воруют, а мы — у них. И действительно воровали, обчищали квартиры. Вещи загоняли по дешевке таксистам, водителям междугородных автобусов, буфетчицам, парикмахерам. Покупали. И по сей день покупают. Похитили, в частности, японский стереомагнитофон. Кому и за сколько продали, спрашиваю? Шоферу с «Икаруса» за сто рублей. На пятерку, между прочим, конфет накупили. Но это скорее исключение, нежели правило. Чаще покупают вино, наркотики.

И вот ведь что тревожно. Месяцами их нет ни дома, ни в школе или СПТУ — и хоть бы кто побеспокоился! За голову хватаются, когда «жареный петух» клонет. Вот тогда и письма, и ходатайства, как из рога изобилия. Обязуются взять на поруки, гарантируют, что подобного больше никогда не случится.

Недавний факт. Эту фамилию ты можешь не изменять. Был такой повар в Ташкенте, Аронов. Молодой парень, дом — полная чаша. Но, как ты понимаешь, немножко не хватало... Вместе с друзьями «раскулачивал» личные автомобили,

дефицитные детали, естественно, на продажу. Поймали их, наконец. Ватюшки, что тут началось! Трест столовых представляет в суд ходатайство, выдвигает общественного защитника, слезно просит отдать Аронова на поруки коллективу. Суд у нас гуманный, пошел навстречу. Мера наказания определил условную, освободили Аронова из зала суда. И что ты думаешь? Опять взялся за старое. Сейчас в розыске. А как поручители? Посыпают голову пеплом: «А кто же знал»...

— Но ведь и ты ошибся?

— Ошибся... Только я за свою ошибку отвечать буду. А с них какой спрос? Я поверил человеку. А они, скорее всего, просто решили сыграть роль «добрых дядей», которые не могут отказать пустившим слезу родителям. Выносятся в таких случаях, как правило, общественное порицание. А как оно у нас на практике выглядит? «Редиска», — говорят провинившемуся. «Редиска», — соглашается он. Ему: «Ты больше так не делай». Он: «Не буду». Все...

Конечно, помощник прокурора немного утрирует, но в главном-то он прав. Суд общественности в так называемые годы застоя потерял свою социальную значимость, а значит, эффективность. Автор абсолютно не имеет в виду применение по любому поводу ответственности уголовной. Ни к чему хорошему это не приведет. Но и общественная пассивность — по сути, полное равнодушие к судьбам людей, нас окружающих, кроме вреда, ничего не дает.

Вера в людей необходима, но сознательная, обоснованная, подразумевающая ответственность.

На все четыре стороны

- Год рождения?
- 1961-й.
- Место рождения?
- Город Саратов.
- Образование?
- Восемь классов.

Идет вопрос задержанного Александра Шутихина, двадцати семи лет от роду, без определенных занятий.

- Где проживаете в настоящее время?
- Где придется.
- Почему не устраиваетесь на работу?
- Документы потерял.
- Если проверка покажет, что за вами не числится преступлений, то через месяц вам выдадут новый паспорт и направление на работу. Как намерены жить дальше?

Не в первый раз Шутихин слышит этот вопрос, ибо не в первый раз он оказывается в приемнике-распределителе. География его путешествий довольно пестра.

...В двадцать один год Александр решил попытаться счастья на стороне. Еще писали газеты о грандиозном строительстве ВАМа, героическом освоении Нечерномелья, ударном возведении Атоммаша. Романтика, да и только! Так что, когда уезжал из Саратова, намерения были самые благие. Виделась ему в мечтах палатка, возле которой собрались его бородатые товарищи. Вместе они работают, вместе по вечерам поют песню под гитару. Словом, «дым костра создает уют, искры гаснут в полете сами» — и далее по тексту. Завербовался на одну из строек Приморского края.

— Комбинат мы там строили. Грязи не то что по колено — по пояс. Комары поедом едят. Специальности как таковой нет — значит, кем? — разнорабочим, подсобником. Бери больше, кидай дальше. Вы думаете, там комсомольцы были? — смеется. — Были... один на сотню. Остальные — «условники», «поселенцы». Тоже, конечно, люди, но как бы это сказать, со своим кодексом, что ли. Работали, как черти, без выходных и праздников. После смены придешь в барак, официально он общежитием назывался. Вонючка — не продохнуть! А как иначе? Робу высушить надо? Портянки постирать тоже? То-то и оно. Из развлечений — телевизор в углу да ларек с «бормотухой» напротив. Телевизор смотреть неохота было. Оставалась эта самая «бормотуха». Тем более, платили гроши, только на нее и хватало. Там почти каждый так: придет, подъемные пропьет, а потом только на вино и на долги работает. Романтика — она в бюро по трудоустройству осталась.

Месяц я там вкалываю, второй, третий. Дело ближе к осени. Ни удовольствий, ни денег, смотрю, не предвидится. Тут ко мне мужик один подходит и говорит: «Что ты здесь, дурень, пуп надрываешь? Плюнь на все к чертовой матери и езжай на Кавказ, там скоро сбор мандаринов начнется. Наймешься к кому-нибудь — в день не меньше червонца плюс каждый десятый ящик собранных

мандаринов. Сезон поработаешь — полгода нормально жить будешь». — «Сам-то, спрашиваю, чего не едешь?» — «Я под надзором».

Ну, ходил я неделю, предложение обдумывал. Только как уедешь, договор на два года заключишь. Наступил день зарплат, тут я и решил. Плюнул на трудовую книжку, на паспорт, сел в поезд — и на «большую землю». До Кавказа денег, конечно, не хватило, но кое-как все-таки добрался. Неподалеку от Сухуми действительно нашел «хозяина». Зарабатывал прилично. Кончились мандарины — пошли апельсины. Кормежка бесплатная, так что денюжат скопил. Ну и «гуляй Вася, ешь опилки, я начальник лесопилки», — за два месяца все спустил. Денег нет, документов нет, что делать? Домой возвращаться желания никакого. Так и путешествовал. Кому огород вскопаю, кому на строительстве дома помогу, какой ни на есть, а заработок. Одно время вагоны железнодорожные мыл, но там среди нашего брата конкуренция. Приходит состав дальнего следования, проводнику вагоны мыть неохота, он и так за рейс наварился. Без товара же не ездит. А тут — мы. Червонец — и вагон блестит, как у kota морда. В Питере, помню, гостил, так там осенью грибы собирал. Пойдешь в лес, к вечеру, глядишь, килограммов шесть-семь есть. На базар. По пять-шесть рублей за килограмм берешь. Купишь выпить, поешь, переночуешь на чердаке или в подвале, а утром все повторяется снова. На рынке меня, между прочим, первый раз и задержали. Месяц просидел в приемнике, получил паспорт, направление за сто верст от Ленинграда в совхоз какой-то и поехал. Приезжаю, так и так, говорю, направили меня к вам работать. А от меня, как черти от ладана. Тут таких, как ты, говорят, воз и маленькая тележка. Не знаем, как избавиться. Ну, попросил я, чтобы официальный отказ мне написали, ноги в руки — и в солнечную Среднюю Азию. Трижды и здесь попадался, сейчас — четвертый... — он умоляет.

— А дальше как? — задаю я осторожный вопрос.

— Дальше? — Александр задумывается. — Не знаю. Не все от меня зависит. Посудите сами — на работу нигде не берут, потому что прописки нет. Не прописывают, потому что не работаю. Есть, конечно, такие заводы, где, может, и возьмут. Кирпичный, например. Только я туда не хочу... С другой стороны, и такая жизнь надоела. Когда вижу милиционера, на противоположную сторону улицы перехожу. Тут в хате (на блажном жаргоне «хата» — камера — С. Е.) с ребятами познакомился. Олег Василенко и Гена Ступин. Тоже не здешние, хотя на ноги встать. Вместе, может, и получится. Но не уверен.

«Вдоль обрыва, по-над пропастью»

Позволю себе несколько отвлечься и расскажу одну давнюю историю, не имеющую, на первый взгляд, никакого отношения к поднятой теме. Произошло это лет двадцать с лишним назад. В Ташкенте было в то время множество обских дворов. Жили в таком и мы — в бывшей байской конюшне, перегороженной после революции тоненькими стенками и поделенной таким образом на отсеки-квартиры. В маленьком палисаднике держали собачонку — Чижика. Беспородный пес облаивал всякого, кто проходил мимо. Иной раз идешь из школы, а он на улице на прохожих лает. Загонишь домой, завалишь подпою под штaketником, а дня через два история повторяется. Однажды не дождалась мы Чижика. Ни вечером не пришел, ни утром. В те годы по улицам почти ежедневно проезжал так называемый «собачий ящик». Узнал я, где эта живодерня находится, сел на трамвай и поехал. Захожу во двор, гляжу — вдоль кирпичного забора клетка. В каждой пять-шесть собак самых различных пород. Притихли все, звука не слышно. Бок о бок — бульдог, дворняга, шпид. В глазах тоска такая, что сердце сжимается. Вдоль клеток узкий бетонный желоб, по которому кровь с водой стекает (в конце двора бойня была), а перед клетками шкуры сушатся. Сокамерников бывших. Здесь и Чижик мой был. Тихий, отрешенный, на морде боль несусветная и обреченность. Ну, ловцы денег запросили. Вернулся домой, опустошил копилку, в которой был рубль с мелочью, и забрал. Это видеть надо было! Столько собачьей благодарности я за всю жизнь не ощущал, от людей не помню. Обратишь мы с Чижиком пешком шли. Не знаю, кто из нас был более счастливым, но Чижик ни разу ни на кого не тыкнул, все вокруг меня прыгал да норовил руку лизнуть или до лица дотянуться. Вскоре он опять пропал, но забрать его уже было некому...

К чему я это? Репортерское любопытство приво-

дило меня в приемники-распределители ряда крупных городов страны. Скажу откровенно: они мало отличаются от тюрем. Везде та же колочая проволока, те же решетки, такие же специфически щелкающие дверные замки. И лица. Осторожные, безучастные, откровенно наглые — разные. Но, если приглядеться внимательнее, есть во всех и общее — глубоко запрятанная тоска. Тоска по воле.

Я далек от мысли идеализировать всех, кто попал сюда. Выбранные для этих заметок судьбы все-таки ближе к исключению, нежели к правилу. Правило же таково, что большинство «бомжей» живут за счет других, чаще всего промышляя мелкими кражами или мошенничеством. Большинство имеют судимости. Эти люди настолько привыкли к ни к чему не обязывающему существованию, что путешествуют по городам и весям половину сознательной жизни. Иные хотят распрямиться, но их бьют обстоятельства. Вспоминается недавний брифинг, проведенный для журналистов сотрудниками МВД республики. Там, в частности, приводились цифры, сколько осужденных было освобождено в результате амнистии 1987 года, сколько из них сейчас, по данным министерства, не может найти работу и болтается в городе. Прописки многие лишились, кадрики от таких отпихиваются. Тем самым провоцируются будущие преступления.

Пребывание в учреждениях типа приемника-распределителя противопоказано молодежи, попросту опасно. За месяц нахождения там у многих трансформируется психология, происходит сдвиг в оценке жизненных ценностей. Автор лишь несколько часов наблюдал жизнь задержанных и беседовал с ними. Но ваш покорный слуга теперь теоретически знает, как открыть автоматическую камеру хранения ручной кладки, как изготовить примитивное, но оригинальное приспособление, вскрыть практически любой сейф, как вывести японские чернила на паспорт, симулировать желтуху, сибирскую язву, туберкулез. С аналогичными знаниями, если не более обширными, возвращаются из приемника и люди молодые. Знания эти подкреплены рассказами о безнаказанности, вседозволенности. Это уже может стать позицией, вероисповеданием.

Мне нередко приходится бывать на Куйлковском базаре, что на окраине Ташкента. Официально он именуется Карасуйским рынком. Ранним утром собираются неподалеку от входа те, у кого нет ни дома, ни семьи, ни работы. Одеты они, что говорится, из последних сил. Даже зимой на некоторых старый солдатский китель со споротыми погонями, в лучшем случае — проеденное молью пальто, купленное за рубль в утильсырье или попросту подобранные на свалке. Спозаранку приезжают сюда и «покупатели». «Хозяин идет», — слышится в толпе. «Бомжи» выращивают клубнику, лук, строят дома, дороги, ухаживают за скотом.

В былые годы эта дешевая рабсила служила источником обогащения и иных «блестящих порядков». Под предлогом очищения города от нетрудовых элементов они задерживали десятком другой странствующих нищих, а затем торговали ими оптом и в розницу. Риск — минимальный, поскольку у нас человек без паспорта, по сути, бесправен.

Слишком долго мы говорили, что в нашей стране каждому гражданину гарантируются все свободы и блага. Дело обстоит, мягко говоря, не совсем так. Слишком долго утверждали, будто перевелись в советском социалистическом обществе бездомные. Время опровергло и этот тезис. Бодрыми реляциями о победной поступи развитого социализма затушевывались причины болезни. А она прогрессировала. Автор совершенно не склонен оправдывать тех, кто «сошел с дистанции». Но это — следствие. Следствие царивших длительное время произвола, коррупции, массового равнодушия и бессердечия, поголовного желания надеть шоры и не осложнять собственное существование. Чему же удивляться, когда видишь толпящихся на «бирже труда» и людей молодых? Молодых, но уже потерявших веру в день завтрашний, столкнувшихся с грязью и несправедливостью.

...Долго я не решился написать об этом. Помнится, рассказал о своих планах прокурору Ленинского района Ташкента Георгию Владимировичу Гудкову. Человек он интересный. Бывший воспитанник детского дома, поведавший немало. Так вот, он сказал: «О таких людях надо писать с болью. Ходят они по краю ножа, по-над пропастью. С одной стороны — жизнь, с другой — металлическая табличка, на которой, в лучшем случае, лишь тире между двумя датами. А человек должен оставить больше».

И я ждал, когда действительно заболит.

С. ЕЖКОВ.

Хирург Усманджан Камалов.

КЛЯТВА ГИППОКРАТА

го», для киевлян — «клиника Амосова», а для курганцев — «клиника Илизарова».

В «отделении Камалова» ежегодно проводится более трех тысяч хирургических операций — от простого аппендицита до операций на мозге и сердце. Здесь можно было бы написать об интересных опытах и внедренных в практику многочисленных новшествах, однако Усманджан Камалович к печати относится серьезно. Это значит: пока новшество не прошло проверки временем, не зарекомендовало себя окончательно, поднимать вокруг него шум он не разрешит. Потому-то острый карандаш Камалова вычеркнул в черновом варианте этой статьи строки о том, что отделением полностью освоен новый прогрессивный метод оперативного вмешательства при лечении одной из опасных болезней, а на полях появилась пометка: «Афишировать пока рано».

А вот об операции, которая была сделана ташкентской студентке Эльмире Дроздовой, пишет она сама: «Я лечилась в целом ряде больниц, — но врачи не могли определить мою болезнь. Когда же в результате перитонита и заражения всего организма мое состояние стало резко ухудшаться, пришлось согласиться на операцию. Ее провела группа врачей под руководством Усманджана Камаловича. Сейчас болезнь моя позади. В этом

году я даже принимала участие в сборе хлопка. Я очень счастлива, что жизнь моя течет по-прежнему. Низкий поклон врачу за это».

Эту девушку Камалову удалось спасти. А другие, те, кто попал на операционный стол слишком поздно?.. До сих пор помнится Усманджану Камаловичу один случай. Тогда, двадцать лет назад, он только начинал свою медицинскую практику — рядовым хирургом Бувайдинской районной больницы, что в Ферганской области. Этого парня с ножевым ранением в область сердца доставили с опозданием на несколько часов. После операции человек скончался. А он, врач, все сидел в операционной, обхватив голову руками, с безразличием отчаяния уставившись на допотопный аппарат для переливания крови. Если бы его привезли хоть на час раньше! Если бы оборудование в больнице было более современным! Если бы... Если бы...

Тишина давила. Лицо медсестры было совершенно измученным. Хотелось выйти отсюда, уйти куда угодно из этой белой комнаты, но... Там, за дверью, сидят родные умершего, и в глазах у них страх и надежда. И он тяжело шагнул к двери...

Из записной книжки Камалова:

«Я видел, как плакал после смерти больно-

Из записной книжки Камалова:

«Самое страшное в нашем деле — бессилье хирурга перед смертью. Сохранив человеку жизнь, чувствуешь себя волшебником. И все-таки вероятность смерти существует...»

2-е хирургическое отделение Ташкентской городской больницы № 1 называют «отделением Камалова». Говорят: «Я лежал в больнице Камалова» — так же, как существуют для душанбинцев «клиника Мансурова», для москвичей — «клиника Склифосовско-

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

ЮРИДИЧЕСКАЯ
СПРАВКА
«МОЛОДОЙ СМЕНЫ»

Однажды совершенно случайно я стал очевидцем разговора, который вели ребята с нашего двора. Двух из них я хорошо знаю — с Олегом и Витей мы живем в одном подъезде. Ребята сокрушались, что у их дворовой футбольной команды нет формы.

— Нет, кто в чем — это не команда! — решительно сказал Олег.

— А может быть, только футболки купим? — предложил Витя.

— Во-первых, у нас и на футболки денег нет, во-вторых, или полностью купим всю форму или вообще ничего не надо. И команды тоже! — возразил Олег.

Ребята возмущенно зашумели: как это не надо, зачем тогда столько тренировались... Один предложил копить деньги на форму, откладывая по 20—30 копеек, которые родители дают в школу на завтрак. Но Олег тут же отверг это предложение, заявив, что так придется ждать целый год.

— Есть идея, — вдруг радостно воскликнул один из мальчишек. — Какой сегодня фильм в нашем кинотеатре идет? Де-тек-тив! Значит, за билетами толпа... И мы, — он загадочно посмотрел на ребят, — заранее занимаем очередь, берем каждый по четыре билета по 35 копеек, а перед началом сеанса продаем их по 50. Так несколько раз — и форма готова! Он торжествующе посмотрел на ребят. По их реакции я понял: «идея» понравилась, кто-то даже предложил сразу пойти в кинотеатр.

Пришлось вмешаться и остановить своих юных соседей. Они искренне недоумевали, когда узнали, что так поступать нельзя, что это нарушение закона — мелкая спекуляция, за которую установлена административная ответственность.

Что же такое административная ответственность? Она наступает, когда лицо совершает административный проступок. Сущностью последнего является противоправный, т. е. нарушающий требования норм права характер поведения. При этом противоправное поведение может иметь место либо в форме противоправного действия, когда виновный совершает действия, запрещенные законом, либо в форме противоправного бездействия, когда виновный не делает того, что по закону сделать обязан.

Таким образом, то, что намеревались сделать ребята для покупки спортивной формы, является противоправным действием. Однако для привлечения к административной ответственности необходимо, чтобы противоправное действие было виновным. Вина в административном проступке может быть как умышленная, так и неосторожная. (Мелкая спекуляция, например, может совершаться только умышленно, а вот утеря паспорта — это тоже административный проступок — может явиться результатом неосторожности.)

Наконец, при привлечении к административной ответственности учитывается возраст нарушителя, т. е. закон допускает привлечение виновных к административной ответ-

ственности лишь по достижении 16 лет.

Теперь мне хотелось бы ответить на ряд писем, поступивших в редакцию.

Интересный вопрос задает Саша Полтев: «Если мне не исполнилось еще 16 лет, а я совершил административный проступок, должен ли я нести за него ответственность?»

Это не совсем так. Если подростку не исполнилось 16 лет, но он совершил такие действия, которые по закону являются административным правонарушением, то он действительно не может быть привлечен к административной ответственности, но вовсе не освобожден от ответственности вообще. Прежде всего своим противоправным поведением он создает административную ответственность для своих родителей, а сам несет ответственность перед комиссией по делам несовершеннолетних при исполкоме районного (городского) Совета народных депутатов. Последняя, например, может обязать подростка

го солидный пожилой профессор. Я знаю хирургов, которые способны мучиться из-за неудачи неделями. Но большинство... привыкает. Когда я вижу, как болтают и пересмеиваются врачи во время утренней пятиминутки, когда говорится о смертных случаях, мне это кажется уму непостижимым. Тысячу раз был прав М. Кончаловский, когда говорил, что можно быть слабым писателем, плохим художником, бесталанным артистом, но быть плохим врачом — преступление.

Я знал одного хирурга. Однажды в выходной день, работая в саду, он слегка поранил себе палец. Не придав этому большого значения, а на следующий день оперировал больного. Операцию больной выдержал хорошо, но... скончался через несколько дней в результате проникновения в организм анаэробной инфекции из ранки на руке хирурга. Потрясенный этим, врач покончил жизнь самоубийством».

— Каждую осень весь медицинский персонал, вплоть до хирургов, у нас привлекают к сбору хлопка, — говорит Камалов. — А между тем даже в самые тяжелые дни Великой Отечественной войны хирурги и медсестры операционной ни к каким другим работам не привлекались. Директор института хирургии имени А. В. Вишневского, академик Академии медицинских наук СССР М. И. Кузин писал: «В начале войны я был командиром операционно-перевязочного взвода на Юго-Западном фронте. Медсанбату потребовалось срочно переобзавестись, и наш взвод в течение нескольких дней соорудил из леса операционную. Однако построить перевязочную и комнату отдыха мы не успели. Холод усиливался. В палатках работать невозможно. В это время начались боевые действия и нам стали подвозить раненых. Времени на отдых совсем не оставалось. Тогда и приехал главный хирург фрон-

та Николай Николаевич Еланский. Он страшно возмутился, увидев спящим нашего врача, который буквально замертво свалился после нескольких бессонных ночей. Кроме того, пришлось отстранить от работы трех хирургов, потому что во время строительства их руки покрылись ссадинами. Еланский возмутился: «Неужели не могли справиться с этим строительством без хирургов?» И мне, и комбату, и командиру хозвзвода досталось по первое число. Вот с того дня и до самого конца войны врачей мы больше на другие работы не привлекали».

Итак, врачей берегли даже во время войны. И уж конечно, хлопковая страда не может оправдать «разорение» больниц, когда и хирурги, и операционные сестры превращаются в сборщиков хлопка, откладываются операции и отсрочки эти зачастую приводят к тяжелым последствиям. А моральная сторона проблемы — разве можно сбрасывать ее со счетов? Ведь лечение больного — это еще и человеческий его контакт с врачом. И здесь врач тоже должен быть безупречен: честен, выдержан, тактичен, терпелив.

Помните слова Авиценны о том, что врач — прежде всего человек с чистыми руками? Об этом я не устаю повторять своим ученикам...

Когда речь заходит о врачах-взяточниках, Камалов бледнеет от гнева. Лечение за взятки, подношения? Пожалуй, он прав: это самая большая низость, до которой может дойти человек, облеченный высоким званием врача.

...Первые минуты после трудной операции. Завершилась битва в операционной, длившаяся несколько часов. Усманджан Камалович устал и счастливо улыбается. Сегодня он снова вызвал смерть на бедняков и — в который уже раз! — победил ее.

Ш. СОКИН.

принести публичное извинение потерпевшему, вынести нарушителю предупреждение; возложить на несовершеннолетнего, достигшего пятнадцатилетнего возраста, обязанность возместить причиненный материальный ущерб, если он имеет самостоятельный заработок и сумма ущерба не превышает 50 рублей; или возложить обязанность своим трудом устранить причиненный материальный ущерб, не превышающий 50 рублей. Есть и некоторые другие меры.

Комиссии по делам несовершеннолетних могут рассматривать также дела в отношении родителей, не обеспечивающих должный надзор за поведением несовершеннолетних. Административная ответственность родителей может наступить, например, за совершение подростками в возрасте до 16 лет нарушений правил дорожного движения, за появление в общественных местах в пьяном виде или распитие спиртных напитков, а также в связи с совершением несовершеннолетними других правонарушений. В частности, на родителей может налагаться штраф в размере до 30 рублей, а за появление подростков до 16 лет в общественных местах в пьяном виде или за распитие ими спиртных напитков налагается штраф в размере от тридцати до пятидесяти рублей.

В письме Мурада Хашимова содержится вопрос, всегда ли административные правонарушения подростков должны рассматриваться только комиссией по делам несовершеннолетних.

К несовершеннолетним в возрасте от 16 до 18 лет, совершившим административный проступок, как правило, применяются иные меры, чем к совершеннолетним правонарушителям. В связи с этим, согласно закону, дела об административных правонарушениях лиц, не достигших 18 лет, рассматриваются

в большинстве случаев комиссиями по делам несовершеннолетних. Однако за некоторые виды административных правонарушений, если это прямо предусмотрено законодательными актами, подростки в возрасте от 16 до 18 лет подлежат административной ответственности на общих основаниях, т. е. наравне со взрослыми. Пример этому — ответственность за совершение мелкого хулиганства. На последнем хотелось бы остановиться несколько подробнее, тем более что к нам поступило немало писем с вопросами на эту тему.

Законом установлено, что мелким хулиганством признается нецензурная брань в общественных местах, оскорбительное приставание к гражданам и другие подобные действия, нарушающие общественный порядок и спокойствие, если эти действия по своему характеру не влекут применения мер уголовного наказания.

Так, например, семнадцатилетние Александр Сысов и Николай Гусев вечером у кинотеатра «Москва» стали приставать к незнакомой девушке, а на замечания прохожих разразились нецензурной бранью. В результате они были задержаны и привлечены к административной ответственности за мелкое хулиганство.

Особо хочется обратить внимание на то, что мелкое хулиганство в большинстве случаев совершается в нетрезвом состоянии. Поэтому уже сам факт появления на улице или в других общественных местах в пьяном виде, оскорбляющем человеческое достоинство, распитие спиртных напитков на улицах, во дворах, в подъездах и т. п. местах является нарушением общественного порядка, и виновные в этом подлежат привлечению к административной ответственности.

Н. Я. МИЛЬШТЕЙН,
кандидат юридических наук.

4 июля исполняется 70 лет со дня рождения советского поэта Павла Когана. В 1941 году студент Литературного института им. М. Горького Павел Коган ушел добровольцем на фронт. В сентябре 1942 года он погиб в боях под Новороссийском.

Гроза

Косым,

стремительным углом
И ветром, режущим глаза,
Переломившейся ветлой
На землю падала гроза.
И, громом возвестив весну,
Она звенела по траве,
С размаху вышибая дверь
В стремительность и крутизну.
И вниз. К обрыву. Под уклон.
К воде. К беседке из надежд,
Где столько вымокло одежд,
Надежд и песен утекло.
Далеко,

может быть, в края.
Где девушка живет моя.
Но, сосен мирные ряды
Высокой силой раскачав,
Вдруг задохнулась

и в кусты

Упала выводком галчат.
И люди вышли из квартир,
Устало высохла трава.
И снова тишь.
И снова мир,
Как равнодушие, как овал.
Я с детства не любил овал!
Я с детства угол рисовал!

Бригантина

Надоело говорить, и спорить,
И любить усталые глаза...
В флибустьерском дальнем море
Бригантина поднимает паруса...

Капитан, обветренный, как скалы,
Вышел в море, не дождавшись нас...
На прощанье подымай бокалы
Золотого терпкого вина.

Пьем за яростных, за непохожих,
За презревших грошевой уют.
Вьется по ветру веселый Роджер,
Люди Флинта песенку поют.

Так прощаемся мы с серебристою,
Самою заветною мечтой,
Флибустьеры и авантюристы
По крови, упругой и густой.

И в беде, и в радости, и в горе
Только чуточку прищурь глаза,
В флибустьерском, в дальнем море
Бригантина поднимает паруса.

Вьется по ветру веселый Роджер,
Люди Флинта песенку поют,
И, звеня бокалами, мы тоже
Запеваем песенку свою.

Надоело говорить, и спорить,
И любить усталые глаза...
В флибустьерском дальнем море
Бригантина поднимает паруса...

Под утро они опять приснились ей, все пятеро. Теплые, сонные комочки, копошились чего-то. Лиц, как всегда, она не видела, но ощущение счастья осталось. Больше всего при пробуждении страдала левая ладонь — помнила пушистые головки. Впрочем, это, должно быть, от другого — от девочки в метро. Ей на колени посадили девочку лет трех. Вернее, сама выпросила. В вагон вошла дама, молодая, валяжная, ярко-желтоглазая, будто рысь, волоча за руку невесомый вот этот одуванчик. Валерия Андреевна всколыхнулась встать, место уступить — Рысь разахалась: «Что вы, что вы, сидите, сидите, мамаша!» «Мамаша», конечно, кольнуло, но обиду пересилило иное. И уже добродушно: «Дайте хоть дочку подержу!»

Рысь яркими глазами изобразила изумление. Полуувядшая «мамаша» протягивала руки жадно, как голодный к куску хлеба. Но... деваться было некуда — затолкать могли запросто — и в руках у Валерии Андреевны очутилось драгоценное тепло тельце. Девчоночка лизала леденец и, совершенно осоловев, была сосредоточенно-невозмутима. Под ладонью — ягнчьи кудряшки.

У моей бы не вились. Сама на «химии» всю жизнь. Игорь вон тоже... Прямые волосы. Да и лысет — начал. Младшей бы было уже восемь. Но Марик тогда сдавал диплом.

Яркоглазая с девочкой напомнила сноху Светку. Злые, веселые, наглые. Молодые.

Старая дура! Не мог так отец. За всю жизнь ни разу не смог. Кавалерист-девицу, знать, воспитывал.

Все жестче. Подделом. Не надо искать утешений. Подведи, подведи итоги-то. Пять абортот, сынок вон единственный. Обласкал: «Отвали». Год назад Игорь встретил на улице — не узнал. А ты-то, ты... И она полетела, кружась, по спирали, в глубокий ватный колодец.

«Ты-то, ты-то...» Часы додумывали мысль. Им немножко осталось додумывать, минут двадцать. А вслед за тем, почти одновременно, захлебнутся еще два будильника за стенами и — «люди, люди!» — начнет взывать за одной из них грустный голос Малежика, и — «ю май хард, ю май соул!» — станут громко, празднично уверять из-за другой.

Марк здорово не выспался. Хмурый и злой был Марк сегодня. «Хмурый и злой», — еще раз с удовольствием подумал Марк, глядя в зеркало, поглаживая упруго-наждачную щеку.

«Я мозаику сложу Из разбившихся желаний...»

Сегодня, собственно, к одиннадцати, но дурацкая «пятиминутка»... Шеф озверел совсем, эдакий фюрер. А все-таки неплохо, что нового главного прислали. Куда бы мы без дурака? А тут — назрела оппозиция; озлобились ребята, подтянулись, за-

к дьяволу, уехать. К отцу хоть перебраться на недельку. Да куда! Марк отчетливо понимал, что никуда ему не выбраться из этого колодца с обоями в мелкий вишневый цветочек, с любимыми книгами на полках. До работы отсюда только две оставки трамваем.

Что-то не слышно голосов. Бабье еще не приступало к утренней разминке. Эти мне перебраночки аллегро-модерато! Черт с ними, пойду без завтрака.

- Леша, проснись!
- Валя, не чувствуешь партнера!
- А как, Марк Игоревич?
- Да, ты уж давай на показ, Командор!

И тут он позорно запнулся. Вышел на показ и понял, что ни за что на свете не произнесет этих сладенько-пошлых любовных словечек. Не может. Даже простой откровенной жеребятины — не смог, протоковать перед бабой — не смог. Высоким штилем тоже не вышло. И с ходу между ним и Валечкой возникла прочная, хоть и прозрачная стена, за которой беззвучно и жалобно разевала Валечка ротик, а он даже текста не мог уловить.

Скомкался показ, Командор. То ли дело — монологом из «Жизни Галилея»! Нет, все-таки мой удел — моноспектакли. А что твои моноспектакли? Что твои чтения? Кто там? Ты сам да Корепанов — он парень послушный, старательный. Марионетка. Марк Игоревич, не умеешь работать с людьми. Для режиссера — смерть.

Нина ДЕМАЗИ

ТРИ МОШКИ В КРУГЕ СВЕТА

Рассказ

А как он посмотрел сегодня, о-о! Она тихонько простонала, словно от зубной боли. Дело даже не в том, как он жесткой рукой задвинул ее в угол, как процедил сквозь зубы: «Отвали!» Ненависть! Ненависть! Слепая ненависть!

Они с Игорем куда-то собирались. К Ане, должно быть. Марик перебирал, как четки, граненые мамин бусы, упоенно нохал «Красный мак».

«Какая ты, мам, красивая!» Молодая Лера в зеркале улыбнулась счастливо и чуть надменно. Он вздохнул: «А все-таки хорошо было у тебя в животишке, мам! Ты меня всегда с собой брала!» И вышел из комнаты. Гордый.

А вот еще, когда у Игоря возникла эта... Рагозинцева. И звонок тот, телефонный. Я сижу, реву. А он, маленький, заходит, обнял. Я сорвалась и наорала на него за что-то. А он, со вздохом, мудро так: «Хочешь оскорбительную кислоту?»...

О, господи, если бы не эта стерва, не проклятое это одиночество!

Она прошлепала босыми ногами к телевизору, нащарила таблетку супрастина. Глотнула, запила. Свернулась комком в уже остывшей постели. Какие злые нынче звезды, какие колючие! Каждая остро отточенным лучом метит в тот тугий комок в горле, в недавно оперированную шитовидку. Буденновские усы на портрете отца в углу напоминают ночную бабочку.

— Спи, Лерочка, спи, девочка!

работали. Марк довольно хмыкнул, черным шмелем запела бритва. Вспомнили сразу про Марка, всколыхнулись, сердешные. И, естественно, малая сцена заработала продуктивной большой. На просмотре хвалили аж из Министерства.

Марк потер ладонью лоб. Не выпевалась «Эвридика», хоть тресни! Этот чертов Николаев во втором акте! И бедная напуганная мышка Клепикова, диалог, едрена-Матрена! Ключевой! Объяснение, тоже мне. Вспомнилась сиротливая их малая сцена, с таким трудом выколотая из фондов министерства. Скрипучие доски, торчащие гвозди... Черный дешевый креп... Пророчески-прекрасный юный Лешка Николаев, пластичный, как жонглер, и умница, тончайшего ума парень, — любой оттенок, любую интонацию ловит, как мячик, на лету — в сценах же из ануевской «Эвридики» словно бы продирался Лешка сквозь непроходимый трескучий бурелом, — изящная, легкая, верткая фраза француза произносилась им деревянным замороженным языком. А Валя Клепикова жутко пугалась и врала текст. Влюбленные! Пробовал партнерш менять — благо легко, работа шла на Лешу — не помогает! Марк извелся, изорался, исхудал. Сам он делал Венсана легко, изящно, юморно, безо всяких сопливых этих вторых планов.

За стеной источали сироп «Модерн токинг», на кухне паровозно взвизгнул чайник. Марк шепотом ругнулся. Господи, как мешают-то! Бросить бы все

В непогашенном круге настольной лампы настойчиво кружились три черненькие мошки. Плясали на теплой вызолоченной арене, не сталкиваясь, как заведенные описывали пересекающиеся на короткое время круги, каждая — свой.

Ах, друг мой, друг мой, Сева Корепанов! Пожалуй, самый добрый у нас в труппе, почти блаженный. Севка-то. Классический неудачник, вот опиши такого — не поверят, скажут — штамп, видали. На репетиции Севка прибежал рысью, роняя по пути кульки и пакеты из вечной оранжевой авоськи, огромной, как невод. Перебинтованные пальцы вечно — то ножом, то молотком. Шесть лет парень мыкается по чужим квартирам с хмурым своей, какой-то вечно невыспавшейся женой, парализованной тещей и сыном жены от первого брака. Поднявшись же на борт, взойдя на утлое суденышко сцены, становился Корепанов податливым, как воск, жадным, как губка, готовым бесконечно впитывать указания режиссера. Марку был Сева предан рабски, работать с ним — одно удовольствие и — да что там! — удачами своими, теми спектаклями, о коих говорили, спорили, писали, был Марк обязан Севе. Но и Сева — ему. Не он ли Севу вытащил из ТЮЗа, занял во всех своих работах, имя дал какое-никакое.

Мошки назойливо, настойчиво кружились, каждая сама по себе, каждая — сама по себе...

Черт, неужели менять Николаева? Дело даже

Рис. В. ЛУНЕВА.

В 1987 году окончил школу в Гулистане. Сейчас живет и работает в Ташкенте. Публикуется впервые.

В семь

Шар земной неизбежностью беремен.
Нет конца. Конец — непредрешен.
Ты, простуженный, подслушиваешь время,
выдрал право встать, но не пришел.

Просят заплатить. Все связано. Все точно.
С глазу на глаз — пуля не сблудит.
Раз платить — платить за все. Плачу за то,
что
за полет приходится платить.

За в прыжке изломленные брови
той, которой нет уже, верней,
за вопрос, за то, что час неровен
этих русых бархатных зверей.

Сквозь надежд избитых многоотмность,
как не любит-любит, минус-плюс,
время слушаю, откашливаясь, то есть,
в свой, отхаркивая, вслушиваюсь пульс.

* * *

Я пришел, на все готовый.
— Отоприте, ночь и зла, и непогожа.
— Кто вы?
— Непохожий.

— Я одна живу, линияйте,
не могли прийти попозже?
Вы лунатик?
— Непохожий.

... Снег хрустит, как выйдешь — хрустно...
— Не болтайте глупость, кто же?
— Очень грустно:
непохожий...

... Наступи на снег и хрустнут
кости падших ангелочков...
— Грузно...

Точка!

Пусть свершают мрачный танец,
обреченные. Без кожи
я уйду, но я останусь
непохожим.

Снежный человек

Послушай, как рано он, снег, распластался
и льнет, как бродяга, в трущобы.
А я-то, ну тот, настоящий, остался
под снегом. И мерзну. Еще бы...

Не слушаешь? Больно. Вот, думают, ищут
и топчут. Минута-другая
осталась, как мелочь в кармане, а тыщи
тебе бы я бросил. Ругая.

Я ждал, опьяненный надежды нектаром, —
пустой обворованный улей.
Так худо во благо: не слушал недаром
ответа, что посвиста пули.

Я буду со всеми заглядывать в окна,
рассеянно ерзать плечами,
я, тень и дневной отпечаток того, кто
гуляет глухими ночами.

Как горб, понесу одинокую тайну,
на белом с пробелами свете.
Так трудно нести кособокую, дай мне
второе дыхание, ветер!

Где осенью сыпались красные розы,
где нынче, на этом же месте,
трещат под ногами прохожих морозы,
лежит он, красивый, как песня...

Евгений Скаков:
«Родился я в Казахстане в
1970 году.

Предки мои — сибиряки, отсю-
да и корни, духовный склад.

Стихи для меня вторая, более
значимая реальность. Первое
двустушие написал в пять лет,
посвятил деду, дед плакал.

Учителя Джек Лондон, Вы-
соцкий, вся русская литература.
Хочется сказать о Высоцком.
Его размазали. В сегодняшнем
отношении к нему нужна особая
строгость».

Брейк

Я еще не пропет, и не пропит,
и дождлив, как несыгранный матч.
Весь я трудный, как жизненный опыт, —
курам на смех, а людям на плач.

И хрустально прозрачен и тонок.
Многогранье с собой не в ладах.
Ослеплен, одинок мамонтенок,
десять эр пролежавший во льдах.

Человечьи стеклянные лица
через авто стеклянные лбы.
Как же тут не забыться, а сбыться,
да еще не убий, а люби?

На шоссе голосуют минуты,
тормозя обворованный час.
Не смотрите! Но и не минуйте,
каблуком по асфальту стуча!

Дальняя дорога

Наверно, нужен ножик перочинный,
чтоб, не обмозговав, а разъярясь,
вогнать по рукоятку, до причины,
чтоб очень больно, чтоб в последний раз.

Вы снова распяты — теперь на книжных
полках.
Я зарыдаю — кто на что горазд.
Зачем же так, с каким небесным толком?
Эх, еще много, много раз!

Откуда же, откуда же берутся
во чистом поле с васильками — грязь
и сапоги! И как это по-русски!
И еще много, много раз...

Бал

Я не зван был на созданный обед,
Ты догадалась — вижу по походке,
по плавности движений, — что у бед
навязчивый и злостный запах водки.

Рис. С. СПИРИХИНА.

Я голову укором начинил.
И, сам с собой предтечу отмечая,
я наконец нашел и сочинил
жень-шень души — тебе подарок к чаю.

Спасибо; если больно, извини.
Но я плачю и плачу чистоганом.
А крупная купюра не звенит —
она горит. Зато звенят стаканы.

И позже, за обеденным столом,
про те места услышишь анекдоты,
где заживо гуляют под стволом,
где бал дают, где дуло спросит:
кто ты?

Нешуточное

Как с четверга на пятницу приснится,
что шито-крыто, нечем больше крыть, —
пространство темноты всосав в глазницы,
иди курить, да-да, иди курить.

Как будто нечем более заняться,
как только, потянувшись на носках,
просмотром болевых галлюцинаций
про полвселенной, стиснутой в мозгах.

Курить до посиненья без кавычек,
до из-под пяток вымытого «я»,
когда окурок схож со знаком «вычет»
небытия, а также бытия.

Когда тугие напуски из легких
напоминают помыслы петли,
замысливаешь дело не из легких —
избегнуть холода надгробных плит.

Курить, курить, пока не станет тошно,
когда услышишь в сердце перебой, —
точно
как перед боем...

Прием у психотерапевта

— Как, скажите, еще тяжело?
Вы страшны, как неспетый сонет?
— Телефон был и трубки жерло.
Да. И было негромкое «нет».

— Но ведь были и светлые дни,
расскажите подробнее, впрок.
— Я контуженный звуком одним.
Да. И мой укороченный срок.

— Ну, а боли сердечные есть
(подозрителен кожный покров)?
— Где-то слева, похоже, что здесь.
Да. И что-то разбитое в кровь.

— Милый, это здоровый удел.
Все пройдет, эти капли — до дна.
— Телефон напоследок гудел:
чья вина? в чем вина? что — она?..

Кто седлает слепого коня,
кто хватает судьбу за грудки...
Без тебя я, и ты без меня.
Да. Обоим: гудки и гудки.

Минута молчания

Я вымолкаю золотом, иначе —
мои молчанья — золотые руна.
Молчу, как Галилей, но это значит,
что сердцем я неистовый, как Бруно.

В потемках заблудившееся слово
утоплено в огромном слезном чане.
Которое столетье? Вот и снова
я — нагий Прометей скалы Молчаний.

В который раз я вышел на дощатый
помост. И так, все вроде бы в порядке.
В столетьи том, где слово — лжи глашатай.
Я буду сногсшибательным и кратким:
— Кабы не враки!..

„Радостный строй гитар, яростный стройотряд...“ Летний трудовой семестр продолжается.

Фото А. КУДРЯШОВА

Ташкентская школа № 253, 8 „Б“ Ребята учатся, отдыхают, в школьных теплицах ухаживают за растениями, выращенными собственными руками, угощают родителей лакомствами, приготовленными опять-таки собственноручно, увлеченно участвуют в художественной самодеятельности (танец с пиалами—любимый номер маленьких артисток)... Словом, досуг ребят наполнен самыми разнообразными занятиями и увлечениями. Классный руководитель Замира Джураевна Алиева—неизменный друг и советчик ребят во всем.

Фото А. КУДРЯШОВА.

И это — тоже лето Узбекистана. Фото Н. МУХАММЕДИЯНОВА.

В одном из старинных медресе Бухары создан музей росписи по металлу — древнего ремесла, которое живет и по сей день. Расписанные подносы, женские украшения, развешанные по стенам художьи,— красота их чарует глаз.

Но главная особенность музея в том, что здесь и действующее производство: мастера, владеющие секретами этого прекрасного искусства, продолжают традиции отцов и дедов.

Цех относится к Бухарской швейно-галантерейной фабрике, а здание медресе выделено ему администрацией краеведческого музея. Только вот почему же продукция этого цеха, существующего уже довольно давно, никогда не появляется на прилавках магазинов?

... Четыре-пять человек, работающие в цехе, не подняли головы при виде постороннего. Им не привыкать: ежедневно в мастерскую приходят десятки посетителей, в основном туристы. С интересом наблюдают за работой мастеров, увозят воспоминания об экзотическом восточном искусстве. А работа продолжается, и проблемы уникального предприятия остаются неизменными. Слишком их много, далеко не экзотических проблем. И первая связана с его величеством планом. Да, да, план спускают как самому обычному производству, и никого не интересует разница между ремесленничеством и искусством. А творческий процесс, убеждают меня

сов зависит общий заработок. Чувствуете связь с тем, почему снижается качество и исчезает искусство? Один поднос, изготовленный Ташкентским металлургическим заводом, стоит 2 рубля, а за нанесение на него росписи нам платят 1 рубль 60 копеек. И это независимо от вида и сложности рисунка! То же с планом — требуется не качество, а количество. Что же удивительного, если мы ограничиваемся тремя-четырьмя видами узоров, гоним план, выдавая то, что попроще? Кому же хочется получать 30 рублей в месяц!.. Но ведь мы — мастера. Мы владеем секретами искусства, которое почти никому передать. Неужели же не нужно оно никому? Нет, судя по ответам руководства на наши неоднократные обращения: мол, если платить за рисунок, то товар в магазинах будет залеживаться, его и покупать никто не станет. Но ведь это неправда! Мы специально сделали несколько подносов с нестандартным, сложным рисунком и сдали в магазин по более высоким ценам. Их раскупили в тот же день! Однако и после такого опыта положение не меняется. Самим же нам свои изделия продавать запрещено. А что делать, если приходят прямо в мастерскую не один, не два — сотни людей и просят продать приглянувшуюся вещь? Что в этом плохого? Особенно если учесть, что на фабрике нашу работу оценить некому, что с каждым днем мы теряем заказчиков. В результате — сокращение штатов, после которого ушли многие наши мастера, и некоторые из них устроились

тягой к красоте, эстетической радости. Теперь же просто демонстрируют накопленное добро.

В Ташкенте Аман Азизов возрождает сохранившееся в народе древнее искусство чеканки по меди, существовавшее еще много веков назад. Сегодня он единственный в Узбекистане работает в этом жанре. Хочет также заняться художественной ковкой металла. Однако одному трудно. Нужны ученики. Кроме того, для кузнечного дела нужна мастерская. Думали об открытии кооператива. Однако Худфонд Союза художников пока нам помочь не может. Как быть? Страшно разочароваться в своей идее, в своем деле, страшно видеть, как опускаются руки у постоянно натыкающихся на преграды и запреты бухарских мастеров... Есть какая-то неправота по отношению к таланту в этом непробитом безразличии тех, от кого зависит поправить создавшееся положение. Неужели и после стольких потерь мы так и не изменим эту «освященную» практику? Пора наконец более серьезно подумать о том, чтобы разрешить индивидуальный труд в народном прикладном творчестве.

В последнее время не раз отмечалось, что очень много сейчас желающих заняться индивидуальной трудовой деятельностью. И вроде бы все есть для бурного развития этого процесса. Почему же развивается он так медленно, с такими трудностями? Причина здесь одна: безынициативность местных органов, различного рода бюрократи-

КРАСОТА СПАСЕТ МИР

Умид Алиев, Заир Джаббаров, Мумин Файзиев, Махмуд Гулямов, Анвар Хамидов (они все-таки оторвались от работы, услышав про корреспондента), — творческий процесс требует непрерывного совершенствования, поиска все новых и новых форм. Но моральное и материальное поощрение мастеров как будто не заботит ни руководство фабрики, ни администрацию музея. Похоже, что им важно лишь иметь под рукой еще одну городскую достопримечательность, чтобы было что показать туристам.

— Так что же нам остается — считать себя живыми «экспонатами» музея?! — горячатся мои собеседники. А я вглядываюсь в портрет на стене художьи-цеха: это лицо в рамке я видел и в других помещениях, где работают мастера. Народный художник Узбекистана Салим Хамидов.

... Лет двадцать тому назад усилиями Хамидова были созданы цех художественной росписи по металлу и школа, где обучали будущих мастеров. Тогда усто Салим собрал нескольких смысленных и любознательных подростков и стал учить их секретам мастерства. Уроки черчения, первые рисунки и орнаменты — пока лишь на бумаге... Но шли годы, и все радостнее для учителя были успехи юношей. Некоторые из них даже создали новые узоры. Бесценное наследие прошлого — бухарская школа художественной росписи по металлу — не ушло в забвение, напротив, было приумножено. Но...

Прошли годы после смерти Салима Хамидова, а дело, которому он посвятил жизнь, переживает тревожный кризис, прекрасное древнее ремесло постепенно приходит в упадок. Почему?

— Причиной тому, — отвечают мастера, — ассортимент, не меняющийся уже на протяжении 15—20 лет, и план, который мы не можем не выполнять. Ведь платят нам поштучно за каждое изделие, и от общего количества расписанных, к примеру, подно-

на вокзале грузчиками. Разве не обидно — для человека, владеющего таким искусством? Оставшимся же мастерам снизили разряды. Почему — об этом и не спрашиваем, но зачем их присваивали в свое время? Ведь на других предприятиях за разряд платят надбавку, а у нас и этого нет. Так все-таки, зачем же он вообще — разряд?

А в каких условиях мы работаем? Впрочем, видите сами: помещения темные, электроосвещение слабое, вместо специальных стульев с подъемным устройством — табуретки. Все инструменты приходится доставать самим. Об улучшении условий, более приспособленном цехе для работы и речи нет.

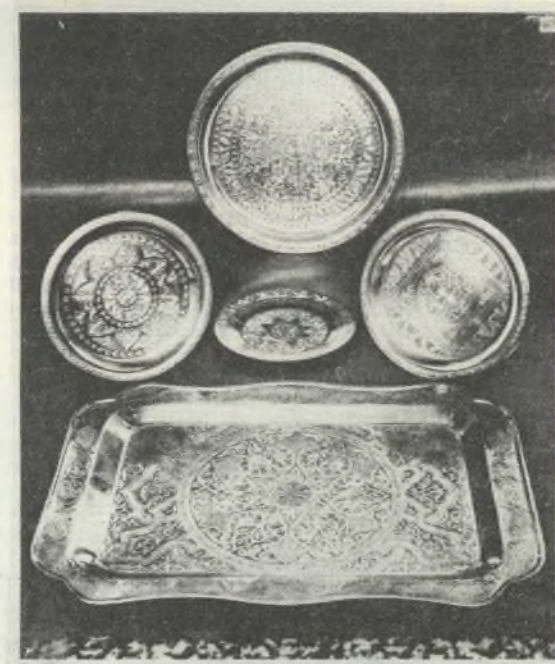
— А работники отдела культуры исполкома у вас бывают? — поинтересовался я.

— А как же. И из гор- и из облизполкома приходят. Как высокий гость какой или комиссия — первым делом к нам; а вот в другое время и носа не кажут.

... Я выходил из мастерской с чувством, что на плечи мне лег какой-то груз.

Медничество и роспись по металлу — эти ремесла напрямую связаны с укладом жизни узбекского народа, корнями уходят в далекое прошлое. На протяжении веков Средняя Азия славилась своими ремеслами. Почему же ныне народные промыслы остались вне поля нашего зрения? Причин можно назвать много. К примеру, объединяя артели ремесленников в 30-е годы, никто не задумывался о том, какие будут последствия. С громкими лозунгами устремились вперед, оставив позади многие духовные ценности, в том числе прикладное искусство народа. Как результат — прочно утвердившаяся привычка смотреть на вещи только как на вещи.

Простой пример. Зайдите в любой узбекский дом, и на полках шкафов и сервантов увидите рядами выставленную фарфоровую посуду. Этот обычай был и у наших предков, но только их стремление всегда иметь перед глазами прекрасные образцы искусства было

ческие препоны. А медничество, роспись по металлу, художественнаяковка, другие бесценные народные промыслы тем временем исчезают.

... Важнейший закон биологии гласит: клетка мозга, содержащая в себе определенную информацию, по прошествии времени старается эту информацию восстановить, а если это не удается, она погибает. Давайте же помнить биологию. Давайте беречь святое понятие «память народа». Давайте похозяйски относиться к своему достоянию.

М. КАМИЛОВ.

Отыскать на карте этот уголок с древним названием довольно трудно. Он расположен на самой границе нашей страны и Афганистана, как раз за развалинами старого Термеза, вдали от автомобильных и железных дорог. Сюда не доносится шум машин и поездов, заводов и фабрик, ничто не нарушает дремотного спокойствия. Здесь редко ступает нога человека. Омывают этот зеленый уголок воды Амударьи, а на юге, чуть поодаль, расстилается Бактрийская низменность. Но это уже афганская территория.

В 1971 году остров в качестве эталона не тронутой человеком природы был объявлен государственным заповедником. Он был предназначен для всестороннего изучения и выработки рекомендаций по защите и приумножению растительного и животного мира, в частности таких представителей фауны, как бухарский олень, таджикский фазан, среднеазиатский кабан, иранский соболь и камышовый кот.

Садимся в лодку. Мотор взревел, и над водой поплыло облачко густого сизо-белого дыма. Не успели оглянуться, как наша посудина уже закачалась на желтых глинистых волнах Аму. Вот и он, остров Пророка.

Здание из жженого кирпича в центре острова — добираться к нему пришлось через пустыню, по барханам, — называют мавзолеем Зулл Кифл.

Я несколько лет наблюдал за этим памятником, записывал легенды о нем.

В переводе с арабского «Зулл Кифл» означает «обездоленный». Старики рассказывают, что Зулл Кифл был пророком, имя его упоминается в Коране. В десятом веке, пишет академик В. В. Бартольд, город Келиф стал местом паломничества к захоронению легендарного пророка. Потом захоронение было перенесено на тихий, укромный остров на Амударье.

Удивительно, но сегодня здание не так уж безжизненно, как думалось. Чирикание лесных птиц, пение иволги, гугуканье диких горляц... Птицы летают стаями, садятся на развалины, выглядывают из своих гнезд, устроенных прямо на кирпичной кладке.

Много лет это место было пристанищем одной оленихи. Мы знали, что здесь она спасалась от зимней стужи, летней жары, страшных порывов ревущего «афганца». А потом осталась в здании жить.

Вечерами здесь прогуливались олени, самец и самка. А весной появились и следы копытца маленьких оленят. Изредка встречались нам отпечатывшиеся на засоленной почве следы кровожадных волков.

Территория Термезского заповедника занимает чуть меньше четырех тысяч гектаров. Растительный мир представлен в основном тремя группами: заросли сизолистого тополя, дикой джидвы и на засоленных землях тустарники. В джидовых рощах встречается тамариск. Поближе к берегу растут колосняк гигантский, рогоз узколистный, кендырь, а в кустарниках то там, то здесь встречаются тростники, парнолистник, верблюжья колючка — янтак. В джидовых рощах также облюбовали себе места для обитания спаржа, хвощ, паразитирующие вьюны, в том числе повилика.

Середина острова — настоящая пустыня. Барханы достигают в высоту пяти-шести метров. Между ними попадаются черный саксаул, астрагал колючий. А засоленные земли до того плотны, что лежат комьями и плитами, словно ссохшийся ганч.

В весенние месяцы в пустыню приходит особая красота. Здесь зацветают, устилают цветами барханы, будто ковром, ценнейшие растения, срок жизни которых короток: уже в середине мая эти растения, успев лишь произвести на свет семена, засыхают от недостатка влаги. Почву острова в основном составляет перемешанный с песком речной ил.

В заповеднике обитает 20 видов млекопитающих, 60 видов постоянно живущих и перелетных птиц, 15 видов змей и пресмыкающихся, 3 из которых ядовиты, 10 видов рыб и много всякой другой живности.

Просто поражаешься, как на этом маленьком клочке земли соседствуют, не мешая друг другу, заросли камыша, непроходимые тугаи, лес, пустыня и степь. Известный советский зоолог и путешественник профессор А. Г. Банников, побывав на острове, писал, что этот заповедник, которому нет равных в нашей стране, является настоящей лабораторией природы.

...Мы подъезжали на машине к открытой площадке, где высились несколько строений — полевая база. Ее со всех сторон окружал лес. Едва кладовщик Хуррам Каримов отпер один из домиков, оттуда, волоча за собой хвост, выступил нам навстречу важный петух. Огляделся, почуяв среди знакомых людей чужого, и удалился прочь.

— Это свой, сторожем у нас, — объяснил мне директор заповедника Федор Иванович Николаев.

— Чтоб он пропал, этот ваш сторож, не справляется с обязанностями, — сердито проговорил Хуррам, показывая на молодые побеги виноградной лозы, привязанной к айвану ковопьяными нитями, вернее, на остатки побегов, раскиданные по земле.

— М-да, дела неважные, — директор был явно огорчен. — Это работа оленей. Побегу выше только они могли так обработать, а внизу кабаны довершили.

Вытоптаны были и розы, и молоденькие сосенки. Однако это были еще не все последствия опустошительного нападения лесных «разбойников». Это стало ясно к вечеру, когда собрались готовить ужин. Животные перевернули казан, утащили

шумовку и ковш, крышку от казана. Потом мы их, правда, отыскали — все, кроме шумовки.

— На память утащили, Хуррамбай, — сказал Федор Иванович, подшучивая над хмурым кладовщиком. — Не огорчайся, свои все же...

...Когда Николаев вместе с шофером Александром Пономаревым впервые приехали сюда, в первый же день отправились на машине в глубь острова. Двигаясь на юг, проехали тополиные рощи, пересекли участок пустыни, миновали бывшую пограничную заставу, развалины древнего туркменского кишлака и земли, на которых еще видны были следы обработки человеком.

Сидевший на деревянной вышке сокол, завидев приближающуюся машину, неуклюже переваливаясь, взлетел. А впереди, в пятидесяти метрах, довольно долго бежали, не сворачивая с дороги, два петушка и самочка, но потом все же кинулись под защиту кустарников. Со стороны заставы с шумом вылетела стая диких голубей. А в туговых зарослях людей окружили вниманием коричневые славки, они летали вокруг, сопровождая их.

Так показавшийся сначала совершенно безжизненным остров стал на глазах наполняться звуками, движением, жизнью.

После этого Николаев еще несколько раз побывал на острове. И понял, что привязался к нему не на шутку. Тогда и пришел к окончательному решению. Оставил престижный пост заведующего отделом в газете и переселился на остров насосем. Стал здесь не гостем — настоящим хозяином.

...В одном из своих трудов военный специалист и историк Д. Н. Логофет, приехавший в эти края более семидесяти лет тому назад, чтобы изучить Восточную Бухару, писал: «Тигр считается постоянно живущим хищником в Амударьинском оазисе. Надежным укрытием для тигров являются густые заросли камыша, растущие по берегам реки. Каждый год отстреливают по пятьдесят тигров. Из этого факта можно заключить, что тигров здесь очень много».

В тридцатых годах началось освоение тугаев. Тиграм стало труднее прокормиться, потому что меньше стало живности. поголовное истребление тугаев нанесло их обитателям непоправимый урон.

Прежде всего, по-видимому, навсегда исчезли тигры.

— В 1949 году на острове появился один, — вспоминает бывший директор Термезского зоопарка, горячий защитник природы Г. Н. Максимов. — Похоже, забрел с берегов афганской реки Кундуз. Задрал пару оленей и ушел, гонимый голодом. А последний раз тигр появился на острове лет десять спустя, — и его настигла здесь пуля охотника... С тех пор никто даже следов этого зверя не встречал...

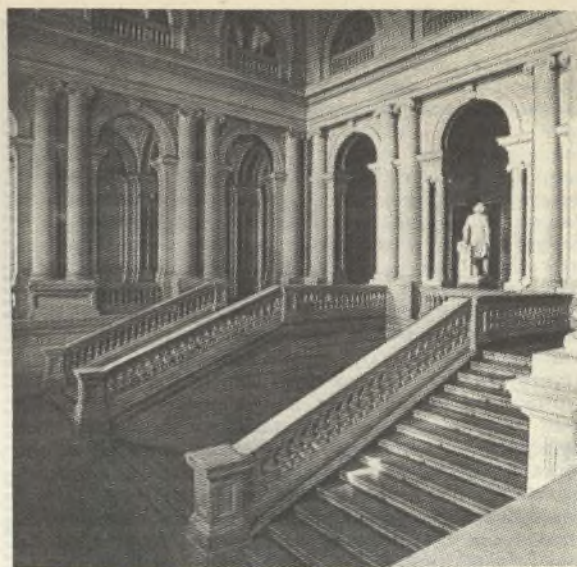
Печальная история. Хорошо бы она послужила уроком сейчас, когда речь идет о сохранении хотя бы бухарских оленей-хангулов. Если исчезнут и они, оправданий нам перед потомками не будет...

Горькая правда в этих словах, но — правда. Ученые знают это. Знает и Федор Иванович Николаев. Вот почему и посвятил себя, так же как его коллеги, Термезскому заповеднику — уникальному уголку нетронутой природы, природы у себя дома.

М. САФАРОВ.

ОСТРОВ ДИРЕКТОРА НИКОЛАЕВА

ДОЛГ, ПОДВИГ, УЧИТЕЛЬСТВО

Большой зал имени А. Г. Рубинштейна. Парадная лестница.

Нет ничего более волнующего, чем прикосновение к живой истории и осознание того, что она, эта история, касается лично тебя. Проследживается связь поколений, взаимодействие прошлого, настоящего и будущего, становятся ближе и понятнее истоки.

Недавно я вернулась из Ленинграда, где праздновалось 125-летие со дня основания первой русской консерватории. На праздник, длившийся 8 дней, съехались гости со всего Союза.

Все были приняты тепло и радушно, но отношение к представителям Ташкентской консерватории было совершенно особое. И это понятно.

Ленинградская консерватория не забыла трудные дни войны, когда ей почти в полном составе вместе с музыкальной школой-десятилеткой пришлось покинуть родные стены и три долгих года прожить в эвакуации, в Ташкенте. Со словом «Ташкент» для Ленинградской консерватории связано многое: уют, хлеб, жизнь, работа, учеба, возможность творчества. Громадное влияние имела деятельность ленинградских музыкантов на становление Ташкентской консерватории, которой в ту пору было всего 5 лет.

Но сначала — немного истории. Петербургская консерватория была создана как демократическое учреждение, которое с первых дней ставило перед собой задачу не только профессионального обучения музыкантов, но и широкой культурно-просветительской деятельности. Ее основатель и первый директор Антон Григорьевич Рубинштейн привлек к преподаванию лучшие артистические силы России и многих выдающихся музыкантов из европейских стран.

Золотыми буквами в историю консерватории вписано имя ее первого выпускника — Петра Ильича Чайковского. Он писал впоследствии: «...Чувство горячей признательности за все, чем обязан консерватории, никогда не изгладится из моей памяти». Этот первый выпуск, состоявшийся в 1865 году, определил на многие десятилетия вперед влияние консерватории на развитие всей русской культуры.

В 1871 году на должность профессора, а затем и директора консерватории был приглашен Николай Андреевич Римский-Корсаков, которому исполнилось тогда всего 27 лет. Влияние композиторской школы Н. А. Римского-Корсакова на развитие профессиональной музыки не только России, но и всей Европы не имеет себе равных. Связь времен проследживается здесь наглядно. Н. А. Римский-Корсаков, его ученик М. Штейнберг — учитель Д. Шостаковича. Ученики Д. Шостаковича А. Шнитке, К. Караев, наши современники, композиторы с мировым именем, имеют уже своих талантливых учеников — надежду советской композиторской школы. В 1944 году Ленинградской консерватории было присвоено имя Николая

Андреевича Римского-Корсакова. Так был отмечен столетний юбилей великого музыканта и общественного деятеля.

В программе юбилейных мероприятий было посещение мемориального музея-квартиры Римского-Корсакова. Эту экскурсию проводила внучка Николая Андреевича Татьяна Владимировна Римская-Корсакова.

Здесь, в музыкальной гостиной, звучали когда-то романсы великого композитора в исполнении Ф. И. Шаляпина. Впервые в этих стенах Николай Андреевич показывал друзьям отрывки из своих новых опер «Псковитянка» и «Царская невеста», «Снегурочка» и «Кащей Бессмертный». Здесь спорили, обсуждали пути развития музыкального искусства В. Стасов, М. Балакирев, М. Мусоргский, Ц. Кюи, А. Глазунов...

Затаив дыхание, слушали мы рассказ о жизни и творчестве необыкновенного человека. Находясь в доме, где он прожил последние 15 лет жизни, в обстановке, где он мечтал и творил, ощутив атмосферу музыкальных вечеров, которые устраивались каждую среду, с волнением и благодарностью думаешь о каждодневном подвиге этого великого труженика, оставившего потомкам столь огромное духовное наследие.

Вот уже несколько лет, как научные сотрудники

музея-квартиры восстановили традицию музыкальных сред. Профессора и студенты Ленинградской консерватории проводят там лектории и концерты-беседы, продолжая кропотливую работу своего гениального учителя.

Лестное приглашение участвовать в цикле «Гости среды», т. е. приехать со своими концертами, получила и Ташкентская консерватория. Естественно, все участники музейных сред по традиции, основанной Н. А. Римским-Корсаковым, выступают бесплатно, на общественных началах. Бескорыстное служение искусству, стремление донести его до широких масс всегда было свойственно русской интеллигенции.

Здесь хочется ненадолго остановиться и поразмышлять о проблеме, которая стоит сейчас перед работниками культуры: о подвиге, долге и учительстве. Наши великие предшественники, русские интеллигенты, обладали не только глубокими знаниями, но и огромной потребностью этими знаниями делиться. Делиться бескорыстно и широко. Ведь если душа подростка, юноши не соприкасается постоянно с великим гуманистическим искусством, с классической музыкой, она в конце концов черствеет, ожесточается и становится не способна чувствовать и сострадать. Об этом думал и наш современник, композитор-просветитель Дмитрий Борисович Кабалевский, который часть своей жизни посвятил обучению детей музыке в общеобразовательной школе.

Сегодня многие молодые да и зрелые люди знают и воспринимают лишь одну из частей огромного мира музыки — развлекательную, танцевальную или остроритмическую музыку. Только эта музыка их привлекает, оставляя за пределами интересов шедевры мировой музыкальной культуры. Но ведь это обедняет духовный багаж, полноту эстетической радости. Поэтому долг каждого культурного человека — терпеливо и последовательно учить новое поколение слушать и наслаждаться классической музыкой. Музыкант-исполнитель должен помочь духовно оздоровить общество, повысить музыкальные потребности молодежи, приобщить ее к подлинным художественным ценностям. Сейчас это дело государственной важности.

На второе утро юбилейной недели к подъезду консерватории были поданы два автобуса для желающих посетить могилы великих деятелей русской музыки. Желающих оказалось много. И вот они направляются сначала к Александровской лавре, а затем — к Волкову кладбищу, к так называемым «Литераторским мосткам». Взволнованные, молчаливые люди шли с цветами поклониться тем, кто создал школу русского педагогического и исполнительского искусства: Рубинштейну и Чайковскому, Римскому-Корсакову и Мусоргскому, Кюи и Бородину...

Выпускник Ленинградской консерватории композитор Д. Д. Шостакович в годы Великой Отечественной войны.

У памятника великой русской пианистке А. Н. Есиповой и ее ученице и ассистенту О. К. Калантаровой сказал прочувствованные слова благодарности профессор В. И. Слоним, так много сделавший для развития узбекской пианистической школы. Сейчас его ученики составляют большой отряд ведущих преподавателей Ташкентской консерватории. Они имеют уже своих учеников, работающих в музыкальных школах и училищах республики и развивающих традиции ленинградских музыкантов. Вот она, нерасторжимая связь поколений. В. И. Слоним рассказал о своем педагоге О. К. Калантаровой, о ее преданности своему делу, своим ученикам. И он, и другие музыканты, встретившись через много лет, вспоминали Великую Отечественную войну и свою неустойчивую, но наполненную творчеством жизнь в Ташкенте. Профессора и студенты Ленинградской консерватории, преподаватели и учащиеся музыкальной школы-десятилетки добирались тогда до Ташкента — целым эшеленом, куда погрузили и рояли, и библиотеку, — восемнадцать дней. На три года их домом стал Ташкентский клуб швейников. Здесь жили и учились. В первые же дни познакомилась с профессорско-преподавательским и студенческим составом Ташкентской консерватории и вместе отправились на сбор хлопка. Совместная работа в поле сдружила оба коллектива, и потом, в дальнейшем, дружба эта переросла в теснейший творческий контакт двух консерваторий.

Многие бывшие студенты до сих пор вспоминают классы, где стояли рояли для занятий. Таких классов было несколько. Все 24 часа в сутки они были честно распределены между жаждущими заниматься. Утром и днем лекции, занятия с педагогами, а потом нередко, прозанимавшись до 3—4-х часов утра, уставший студент там же и засыпал, прямо на рояле. Уставали, недоедали, недосыпали, но при этом были охвачены необычайной творческой энергией.

Нам рассказывали о концертах в госпиталях и воинских частях, о фронтовых бригадах, о большой работе профессоров Ленинграда в Ташкентской консерватории, о множестве бесплатных лекций, занятий, о постановке оперных отрывков со студентами молодого узбекского вуза.

Первая консерватория в Средней Азии многим обязана ленинградским музыкантам. И после войны, в 50-е и 60-е годы, в Ташкентской консерватории работали выдающиеся представители ленинградской школы.

Посещение музея Ленинградской консерватории не было запланировано программой юбилейных торжеств, но мне, интересующейся историей ленинградско-ташкентских музыкальных связей, было интересно увидеть своими глазами дорогие реликвии. Я просмотрела несколько папок с фотографиями, старыми афишами, пригласительными билетами и программками концертов, которые проходили в ташкентском Театре им. Я. М. Свердлова, в Клубе швейников, в Доме ученых, в школах, в госпиталях. В этих документах — целый мир. С выцветших фотографий смотрели на меня лица худеньких, бедно одетых мальчиков с инструментами в руках. Среди них я узнала скрипача Михаила Ваймана, будущего лауреата, профессора, заведующего оркестровой кафедрой Ленинградской консерватории. Интересны снимки ленинградцев с деятелями узбекской культуры. На нескольких фотографиях — ленинградские студенты на хлопковых полях, на улицах Ташкента. Долго я не смогу забыть толстую, заскорузлую, серую бумагу, на которой напечатаны афиши, дипломы, билеты...

Главный итог нашей поездки? Ташкентская государственная консерватория имени М. Ашрафи и Ленинградская ордена Ленина консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова пришли к выводу о необходимости возобновления творческих связей и составили договор. В нем девять пунктов, среди которых — организация и проведение концертов солистов и крупных творческих коллективов, межвузовских конференций и семинаров, обмен ведущими специалистами, совместная подготовка учебных пособий и сборников статей. Один из интересных пунктов — организация совместных летних творческих академий, цель которых — «повышение идейно-политического уровня студентов, воспитание их в духе интернационализма, повышение профессионального мастерства путем совместного музицирования, творческих дискуссий, совместная подготовка концертных программ и оперных спектаклей».

Итак, в добрый путь! Ленинградской консерватории минуло 125. Ташкентской — 50 лет. Обе молоды! Впереди новые открытия, новые славные имена.

И. АЛЬСПЕКТОР.

доцент Ташгосконсерватории им. М. Ашрафи.

У прямой зимний вечер крадучись входит в город и сразу же вступает с ним в медленный поединок. Исход этого поединка предрешен заранее, но, тем не менее, он повторяется изо дня в день. Где-то за спиной шумит, не сдаётся, проспект; он залит огнями, но со двора в окна уже смотрит ночная темень. А высоко над крышами, как над горами, поднимается розовато-оранжевое зарево городской иллюминации. Из-за нее совершенно не видно звезд. Но если подышать на стекло, то звездами кажутся окна домов напротив. Исчезая и вспыхивая вновь, они складываются в странные, незнакомые созвездия — каждый вечер в разные...

Из трещинки, проходящей через полстекла, подул морозный воздух. Ильцев поежился и отошел от окна. Поставив несколько минут в темноте посреди комнаты, он лег на диван и, откинув руки, уставился в темноту — туда, где должен быть потолок. За стеной послышались гитарные аккорды и негромкое пение. Это Васька, сосед Ильцева, со-

себе, а телефон позвонил бы немного и перестал; так нет же — встал, даже «алле» сказал. Теперь надо что-то говорить дальше.

— Минуточку... Как вы говорите? А из какой палаты? — сымпровизировал на ходу Ильцев и затих в ожидании результата.

Обладатель приятного баритона явно был озадачен, он растерянно сопел в трубку, не решаясь что-то сказать. Даже его самоуверенность исчезла — Ильцев этот почувствовал.

— Извините, это не квартира? — наконец собрался с мыслями обладатель баритона — самоуверенность к нему вернулась, но не вся.

— Это клиника имени Ганнушкина. Номер надо правильно набирать, молодой человек, — наигранно-раздраженно выпалил Ильцев и бросил трубку. «Нечего из меня звезду делать!»

Повторно звонка не последовало — психология обладателя приятного баритона была разгадана точно. Попав не туда, они не звонят еще раз, потому что уверены, что ошиблись не они, а тот, кто дал им номер.

Ильцев оставил свет включенным и опять улегся на диван. Настольная лампа вполне заменяла бра.

Андрей ЩЕРБАК-ЖУКОВ

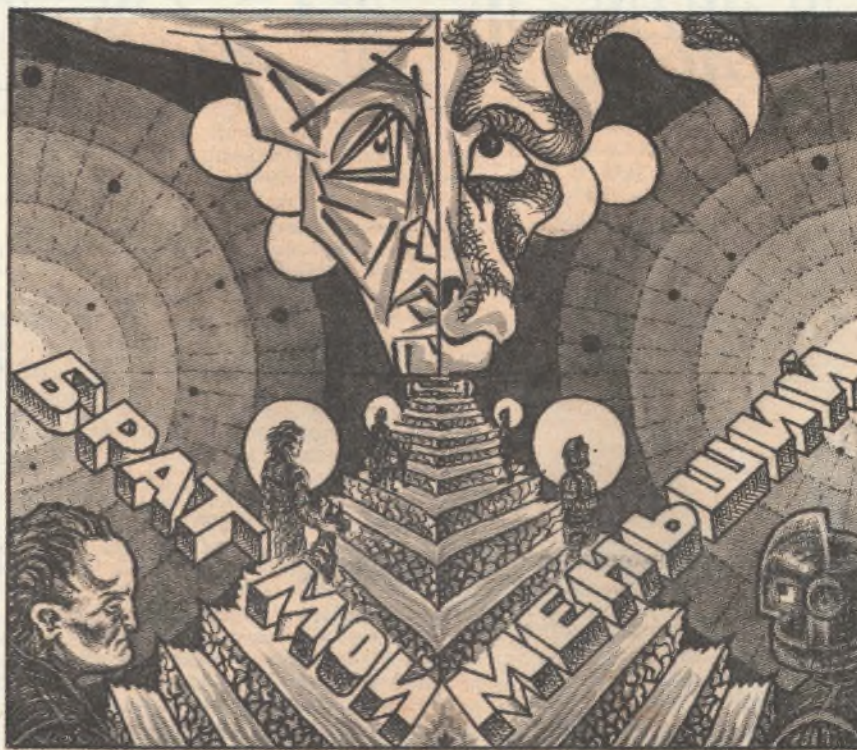

Рис. С. Спирихина.

Фантастический рассказ

...начинает новую песню. Интересно, о чем? Наверное, опять о любви. У Васьки все песни о любви. Ильцев не слушался.

...и, спрятав за киоск «Союзпечать».

Где, как свои, скрывали нас газеты,

Я так хотел ее поцеловать,

Но подбородком ткнулся в сигарету...

Так и есть, опять... Откуда у Васьки такое любвеобилие? Живет вроде один, никуда не ходит. Чужая душа — потемки. Впрочем, своя тоже...

Резкий телефонный звонок прервал раздумья. Ильцев встал, отгоняя мрачноватые мысли, и подошел к столу. Разговоривать не хотелось — он несколько секунд баловался выключателем настольной лампы, но телефон упрямо дребезжал. Пришлось снять трубку.

— Алле!

— Можно попросить к телефону Аркадия Ильцева? — произнес приятный, уверенный в себе баритон. Ильцев сразу же представил себе его обладателя: лет 25-30, круглое, чисто выбритое лицо, умные карие глаза, темные, чуть выщипанные волосы, модный пиджак и скромный галстук. Такие типы обычно нравятся женщинам.

Зачем только потащился к телефону? Лежал бы

Возле дивана, прямо на полу, ворох газет. Ах, да, я же про них совсем забыл, а ведь собирался все перечитать...

...Эти события заинтересовали Ильцева с самого начала, но не больше, чем наблюдения дельских парапсихологов или новая версия «теории о снежном человеке». Многого он уже читал, другое — пересказывали знакомые. Такие вещи всегда на слуху. Но теперь, когда он сам сыграл в этом заметную роль, Ильцев решил перечитать все заново, с самой первой публикации.

«5 марта Крымская обсерватория зарегистрировала в области созвездия Орла неизвестное космическое тело. Мнения ученых о происхождении тела разошлись...»

Всего через несколько дней появилась вторая заметка, такая же маленькая, но уже настораживающая:

«Установлено, что объект, замеченный ранее Крымской обсерваторией, движется в сторону Земли. Он привлек внимание крупных ученых разных стран. Высказано много противоречивых версий. Все обсерватории мира ведут постоянное наблюдение...»

Чуть позже подобные заметки появились во

многих газетах — беспристрастная констатация факта, никаких попыток толкования. Но вот уже какой-то еженедельник на всю полосу публикует интервью с видным западногерманским астрономом:

«В настоящий момент, — говорит он, — я могу смело утверждать, что неизвестное тело представляет собой правильный конус, скорее всего искусственного происхождения. И вершина этого конуса ориентирована в нашу с вами сторону...»

Еще около месяца длилась неопределенность — каждая газета по-своему объясняла феномен своим читателям. Каких только не было — от войны миров и второго пришествия до оптической иллюзии и массового гипноза. Общественность бурлила.

И вот уже в июне астрофизик И. Г. Волохов официально заявил: «Опираясь на данные вычислений размеров данного объекта и наблюдения за его поведением, я предполагаю, что это космический корабль неизвестной конструкции и цель его полета, по-видимому, Земля. Я думаю, что мы имеем дело со столь долгожданным визитом инопланетян».

Ильцев хорошо помнил, какой отклик вызвали эти слова во всем мире. Одна газета писала:

«Миллион телескопов направлены в небо, миллионы ученых ломают головы над загадкой, миллиарды людей спрашивают: неужели контакт? неужели братья по разуму?»

А другая, наоборот, пугала межпланетной войной и писала...

Снова зазвонил телефон. Ильцев решительно снял трубку, готовый вновь сыграть вахтера в психбольнице.

— Аркадий, привет! — не дождавсь тривиального «алле», весело кричал из трубки Герка Туманов, биолог и близкий друг Ильцева. — Тебе собака не нужна? Дог?! Один приятель раздает. Даром.

— А сам почему не берешь? Привет, — без энтузиазма ответил Ильцев. Герка — это, конечно, совсем другое дело, но сейчас тоже нехстати.

— Я беру! Уже взял. А у него еще есть, — не унимался Герка.

— Не до собаки мне, — проворчал Ильцев.

— А-а... Понятно... — многозначительно протянул Герка. — А может, знакомым каким-нибудь нужна? Спроси.

— Ладно, спрошу. Пока.

— Пока.

Ильцев медленно повесил трубку. Молодец все-таки Герка, настоящий друг, а ведь небось уже успел прочитать. Другой бы на его месте бросился поздравлять, кричать: «Ну, ты у нас гений!», наговорил бы массу глупостей, от которых потом в душе неприятный осадок. А Герка — нет, даже не спросил ничего, а ведь был вправе. Но словом не обмолвился. Молодец, понимает.

Ильцев вернулся к чтению. Десятка два газет с броскими заголовками на всех языках сообщали потрясающую мир новость: «12 сентября неподалеку от города Мунайлы Казахской ССР при попытке приземлиться взорвался космический корабль с далекой планеты. В момент взрыва на борту корабля находились два пилота, внешне не отличимые от земных людей. В результате взрыва один из них погиб, второй находится в крайне тяжелом состоянии. Все силы медиков направлены на спасение жизни единственного представителя неземной цивилизации. На внеочередном заседании ООН была сформирована комиссия по контакту, в которую вошли...»

Ильцев отложил газету: кто вошел в Комиссию — он знал и так.

В течение двух месяцев газеты публиковали сводки о состоянии здоровья инопланетянина. Оно постепенно улучшалось, но члены Комиссии понимали, что нормального, полноценного контакта уже не получится. Требовались обходные пути, один из которых предложил ученый совет института прикладной лингвистики. Младшим научным сотрудником этого института и работал Аркадий Ильцев.

Предложение ВНИИПЛа также попало на страницы прессы:

«...в обломках корабля экспертная комиссия нашла несколько инопланетных книг и звукозаписывающий прибор с записью разговора членов экипажа во время полета...

Всесоюзный научно-исследовательский институт прикладной лингвистики (ВНИИПЛ) выступил с предложением попытаться расшифровать язык инопланетян и в случае успеха вести контакт на родном гостю языке. Предложение было обсуждено Комиссией по контакту и одобрено всеми ее членами. Копии книг и кассеты с записью разговора переданы в распоряжение ВНИИПЛа.

Согласно решению Комиссии по контакту и коллегии врачей гостю ежедневно показывают видео-

фильмы, повествующие об истории Земли, ее флоре и фауне.

Коллегия врачей, наблюдавшая за здоровьем инопланетянина, утверждает, что он пока еще не готов к контакту...»

Перед тем, как открыть последнюю, вчерашнюю газету, Ильцев долго смотрел в потолок отрешенным взглядом. Это была статья о нем.

«Сотрудник НИИ прикладной лингвистики Аркадий Александрович Ильцев, применив оригинальный метод, расшифровал язык инопланетян. Значение этого открытия трудно переоценить...»

...Узнав о том, что землянам известен его язык, наш инопланетный гость настоял на немедленном контакте.

Несмотря на то, что состояние гостя до сих пор не пришло в норму, контакт назначен на 27 декабря. Диалог будет осуществляться с помощью компьютера-переводчика системы Шпагина-Бравве.

В контакте будут участвовать...»

Далее следовал перечень глав государств, ведущих ученых и врачей. Последним в списке значился «А. А. Ильцев, лингвист».

Какая чушь... «Оригинальный метод»... Все было не так. Сначала было любопытство, простое ребяческое желание попробовать свои силы в большом, сложном деле. Не для того, чтобы сделать открытие, и даже не для того, чтобы, как это обычно говорят, помочь людям, а просто так, ради чистого интереса. Именно поэтому я и применил этот метод, который никогда бы не использовал ни один здравомыслящий лингвист. Его мог применить только я, юнец и дилетант, желающий подурочиться. Потом было удивление — из ничего вышло что-то и не просто что-то, а то, что не вышло у тех, кто специально добывался этого — у десятков маститых лингвистов и целых коллективов. Появилась зацепка, кончик нити, которую надо было тянуть, медленно и осторожно. Вот тогда началась настоящая работа, в ход пошли все знания, которые я имел. Сначала я сомневался, но, когда хрупкая нить свернулась в круглый, аккуратный клубок, сомнения пропали...

Все смешалось в голове Аркадия Ильцева, вопросы, не успевая найти ответы, громоздились один на другой. Он не заметил, как погасил свет и заснул.

На следующий день Ильцев проснулся поздно. Он не спеша привел себя в порядок, позавтракал и вышел из дома.

Официальный контакт был назначен на вторую половину дня, но Ильцев должен был там раньше: нужно приготовить к работе аппаратуру.

Толкнув ладонью стеклянную дверь с надписью «Предъяви пропуск в развернутом виде», Ильцев вошел в просторный холл. Он достал пропуск, но в холле не было никого, кроме большого разлапистого фикуса. Фикус гордо смотрел на Ильцева из круглобочного бочонка, поставленного на табулет.

Предъявлять пропуск было некому, — не фикусу же, — и Ильцев направился в глубь холла к широкой мраморной лестнице.

...Помещение, приготовленное для контакта, напоминало нечто среднее между больничной палатой и палатой общин английского парламента. В нем было уже полно людей: члены Комиссии, врачи, репортеры, обслуживающий персонал — каждый был занят своим делом.

Несколько репортеров, узнав Ильцева, быстро подошли к нему с просьбой сказать пару слов.

— Извините, я занят. Подойдите попозже, — торопливо бросил он, подходя к компьютеру и начиная его подготовку. Репортеры отошли, но ненадолго.

Ильцев быстро справился со своей работой, спустился в буфет перекусить и остаток времени скоротал, отвечая на вопросы репортерской братии, «доставшей»-таки его.

В последние минуты перед контактом Ильцев не чувствовал ни волнения, ни любопытства, — в нем жило странное чувство обыденности всего происходящего. Он был занят своим делом, и эта занятость подавляла все остальное.

Ильцев не заметил, как два человека в белых халатах осторожно вкатили тележку, на которой лежал инопланетянин. И только когда они остановились в центре зала, а кресла, амфитеатром поднимавшиеся вокруг них, заняли члены Комиссии, Ильцев понял, что контакт начался, и быстро включил компьютер.

Диалог разворачивался плавно, размеренно, как будто не в первый раз. Инопланетянин, не скрывая радости, отметил достижения земной науки и техники, рассказал об успехах своих соотечественников. Его цивилизация оказалась старше земной и заметно обогнала ее. Во время рассказа гость легко переходил с одного на другое, помогал себе картинками из книг о Земле, которые получил накануне, часто улыбался — словом, вел себя как простой землянин, разве что говорящий

на неизвестном диалекте. Вскоре члены Комиссии узнали, что его планета мало чем отличается от Земли. Атмосфера ее сходна с земной. Развитие животного и растительного мира шло примерно теми же путями.

Перелистывая картинки, гость вдруг спросил: — Здесь много о низших, но ничего не сказано о...»

Последнее слово компьютер не перевел, и смысл фразы ускользнул от членов Комиссии. Кто-то переспросил:

— О ком?

Гость повторил, но компьютер снова промолчал. Ильцев понял, что сказанное пришельцем не имеет аналогов ни в одном из земных языков. Вскоре это поняли и остальные. По рядам прокатился гул удивления.

— Кто они такие? — спросил Председатель Комиссии. — Расскажите о них поподробнее.

— Как, вы не знаете?! Их разве здесь нет?! — инопланетянин был удивлен. — Это живые существа, превосшедшие нас в развитии, — он жестом изобразил в воздухе ступеньки. — Они — вершина эволюции на нашей планете. Для них нет тайн.

Любая информация в определенном радиусе, — он описал в воздухе круг, — им доступна. У них так устроена нервная система. Им не надо думать, они и так все знают. Мы с ними в симбиозе. Корабль, на котором я прилетел, придуман ими, но делали его мы, потому что они ничего не могут делать. Только в содружестве мы смогли достичь всего... Но условия диктуют они, потому что могущественней нас. Это напоминает наши отношения с домашними животными, — и для наглядности он открыл книгу и показал всем фотографию Белки и Стрелки в космосе, при этом он тыкал указательным пальцем себе в грудь.

На этом первый раунд диалога был прерван. ...Ильцев вышел на улицу. Смеркалось. Ветер подхватывал мелкий снежок и неприятно бил им в лицо. Члены Комиссии прощались, хлопали дверцами автомобилей и разъезжались. Ильцев направился в сторону метро.

— Аркадий Александрович, — окликнули создди.

Ильцев обернулся. Из открытой двери «Жигулей» выглядывал Председатель:

— Вам в какую сторону?

— Ленинские горы.

— Мне туда же. Садитесь, подвезу.

Ильцев сел.

Несколько минут ехали молча. Потом Ильцев спросил:

— Что вы думаете делать?

Председатель понял, что он имеет в виду;

— Еще не знаю. Но вступать в контакт со всей планетой пока не будем. Люди готовы смириться с тем, что где-то, на другой планете, есть цивилизация, обогнавшая их в развитии, но отношения к ним как к домашним животным они не потерпят. Мы привыкли быть царями природы и не спешим снимать корону. Ведь правда? — Председатель натянуто улыбнулся.

Ильцев вышел из своего дома, а Председатель поехал вниз, по Ленинскому проспекту.

Квартира встретила Ильцева темной. Не раздеваясь и не зажигая света, он сел на табуретку и долго смотрел в эту темноту. За стеной еле слышно звучали гитарные аккорды — Васька пел новую песню. Ильцев вслушался. Опять про любовь, но на этот раз веселая:

Все меняется, однако

Истина верна одна:

Лучше верная собака,

Чем неверная жена!

Ильцев быстро набрал хорошо знакомый номер телефона:

— Алло, Герка, это ты? Твой друг дога еще не отдал?

— Нет, а ты что, нашел желающего?

— Я сам беру. Когда заехать?..

За окном царилась ночь, но звезд не было видно.

А ПОЛКА

О «странных» судьбах
новых кинолент узбекских
документалистов

ПОЛНИТСЯ...

— Не могли бы вы сказать, когда образован Союз Советских Социалистических Республик?

- Не знаю...
- В 1918 году...
- Забыл...

Режиссер и оператор Хайрулла Джураев задает этот и другие вопросы, связанные с историей страны и республики, старшеклассникам, ребятам из профтехучилищ и даже студентам. Но лишь немногие отвечают на них, и ни один не может назвать год создания своего государства.

Этой сценой на одной из ташкентских улиц начинается фильм «Сыновья твои, Отчизна!» (название условное). Фильм, с первых же кадров рождающий тревогу: откуда такое незнание, а еще точнее — безразличие к отечественной истории? Иначе нельзя назвать спокойствие, которое хранят эти юноши и девушки, не знающие почти ничего из истории родной республики.

Что такое «Кокандская автономия» и какую роль сыграла она в истории Узбекистана? Почему в 20-е годы примкнули к басмачам даже иные из бедняков? Когда родились отряды «туркестанских легионеров» и как сложилась их судьба? Можно без конца задавать вопросы, ответы на которые знает лишь узкий круг специалистов. Как много «белых пятен» на карте истории республики! Как часто педагоги — и в школах, и в вузах — не знали, что ответить на вопросы, связанные с наиболее сложными периодами истории Узбекистана — периодами, упоминать о которых, мягко говоря, не рекомендовалось. От «рискованных» вопросов просто уходили — нередко уходят и сейчас. Не это ли одна из причин равнодушия молодежи к прошлому родного края?

Документалист Х. Джураев отдает себе отчет в том, что без памяти о прошлом нет будущего. Он раскрывает перед зрителем страницы истории, которые до сих пор хранились за семью печатями. Перед нами — те, кто был репрессирован в годы сталинского произвола и чудом остался в живых. Но и сегодня в их глазах — горечь, боль, недоумение...

Мурад Ахмедов по профессии врач. Так сложилась судьба — живет и работает в Мюнхене. Кинокамера фиксирует обстановку приемной врача с афишей, которую мы не раз встречали в Ташкенте: «Гастроли Жаклин Ахмедовой (ФРГ)». Жаклин — дочь врача, известная танцовщица, которой ташкентцы не раз аплодировали в «Жизели» Адана. Но отец

рассказывает не столько о ней, сколько о том, что сердце его не перестает болеть о родной земле. Говорит, что порвал все отношения с группой земляков, живущих в ФРГ: «В мире так много перемен, у них же все, как и прежде, настроено на злобе. Мне чужда их позиция».

Кто перед нами? Отщепенец? Непохоже. Однозначных судеб нет, и человек, торопящийся с окончательным приговором другому человеку, заведомо неправ.

Вглядитесь в лицо своего земляка, зритель! Подумайте о его судьбе — и о своей тоже...

Уже потом, на обсуждении картины с директором студии документальных фильмов Давроном Салимовым, я услышал от него:

— Долгое время мы с опаской относились к жизненным сложностям, к многомерности происходящего, старались «отредактировать» все, что видели. К чему это привело? В поток «серятины» вливали свой ручеек и мы, документалисты. «Редактор», сидящий в каждом из нас, ориентировался не столько на зрителя, сколько на то, что скажет начальство. И если он подсказывал: «Это не пройдет», — естественно, глазок кинокамеры «стрелял» мимо эпизодов, которые говорили о трудном, болевом, неоднозначном. Нам так часто напоминали, что не надо «драматизировать» жизнь и «травмировать» зрителя, что большинство документалистов к этому попросту привыкли. А если, случилось, появлялись картины проблемные, вызывающие горькие размышления о действительности, они оказывались «заблокированными» и ложились на полку. Но поскольку все на полку не положишь, «били» еще и тиражом. И все же возьму на себя смелость сказать: лучшие из фильмов прошлого не состарились. Проблемные картины остаются молодыми, пока не решены затронутые в них проблемы.

Сегодня мы избавляемся от тяжкого груза, который сковывал творческие возможности, — от привкуса лжи. Все чаще обращаемся к проблемам, волнующим молодежь, — о месте человека в обществе, личной роли каждого в происходящих переменах. Это не значит, конечно, что все фильмы стали такими, какие нужны юному зрителю, что мы безупречно владеем скальпелем истины. Действенность кинопублицистики — в ее способности формировать общественное сознание. Происходящие в стране перемены требуют от нас активного участия, мгновенного отклика на события дня. Этому еще предстоит учиться...

Д. Салимов не стал давать оценок новым

работам кинопублицистов, а пригласил журналистов в зал.

...Восход солнца. Ветер колышет весенние травы. Девушки с кетменями на плечах торопятся в поле. Мужчин рядом — ни одного. Начинается день нелегкого труда. Мгновение — и камера переносит нас в магазин. В центре экрана — кассир, крепкий парень лет двадцати с небольшим. Он явно недоволен вниманием оператора, пытается заслониться рукой и уйти от вопросов:

— Где вы учились?

— Отвечать не буду...

Но поскольку интервьюер проявляет настойчивость, а покупатель — явный интерес к личности кассира, говорит:

— Окончил школу-магазин...

— А разве в университете вы не учились?

— Нет.

И тут перед зрителем — диплом, принадлежащий кассиру. Он выдан в ТашГУ Умарджану Каримову, который окончил химический факультет.

Вряд ли надо говорить, что привело Каримова в торговлю. Общество рассчитывало увидеть его в лаборатории или за классной доской, открывающим перед учениками мир неизведанного... Но обладатель диплома с легкостью уступил другим право сеять разумное, доброе, вечное...

Не об этом ли думал другой молодой человек с дипломом Ташкентского политехнического, когда устраивался на должность экспедитора по доставке мороженого? Не любовь же к лакомству, простительная разве что детям, привела его в торговлю?

Кинокамера — на базаре. Молодой продавец предлагает девушкам «самый свежий, самый модный товар» — нижнее белье нежных расцветок. Другой подсчитывает дневную выручку. А за кадром звучат слова старинной песни:

«Слава народа и его краса — джигиты»...

Слава и краса... На экране солдаты, доставленные из Афганистана в военный госпиталь. Не раз смотрели они в глаза смерти. Вот фотографии тех, от кого осталась лишь память в сердцах родителей и друзей да пробитые вражеской пулей комсомольские билеты... Зато как много «джигитов» другого рода! Вот недавние школьники затеяли драку у магазина, где торгуют спиртным. В кадре — квартира, где буквально все перевернуто вверх дном подвыпившим «хозяином». Вытрезвитель, где

«перебравшего» парня ремнями привязали к креслу, а рядом с ним собутыльники...

Заключительный эпизод возвращает нас к тем самым девушкам, что работают в поле от зари до зари и несут на плечах своих тяжесть труда, не разделенного со сверстниками. И вполне естественным кажется название, которое дали картине сценарист Вил. Ниязатов и режиссер-оператор Д. Салимов: «Мужчины. Мужчины! Мужчины?»

Пользуясь паузой между фильмами, директор студии говорит:

— Ради чего снимаем такие ленты? Чтобы что-то изменить в окружающем мире, помочь тем, кто заблудился в жизни, попал в беду, не знает, как быть дальше...

На экране — приемник-распределитель. Учреждение, о котором знают немногие. «Сюда попадают девушки, не имеющие документов, прописки и постоянного места жительства, — звучит голос за кадром. —

сложилась жизнь совсем еще молоденькой красавицы Аджобы, которую страсть к деньгам и стремление иметь их как можно больше заставили торговать своим телом. Мы видим проститутку разного «уровня», — от тех, кого называют «фонтанками» и кому платят по самой низкой «таксе», до тех, кто берет за «ночь благосклонности» по 600—700 рублей. Фильм напоминает, что девушки, вошедшие в «рисковую группу», стали источником распространения опаснейшей болезни века — СПИДа.

События, проходящие по экрану, тонко прочерчивают линию связи между проституцией и наркоманией, показывая, как одно переходит в другое. Ставится и еще один серьезнейший вопрос: всегда ли мы внимательны к женщинам, которые решили однажды и навсегда порвать с прошлым?

— Я здесь уже месяц, — рассказывает девушка в приемнике-распределителе. — Познакомилась с некоторыми девчонками. Говорят, после выхода станут на работу устраиваться. Но с документами из нашего учреждения стараются не принимать. Под всякими предлогами. Что делать? Вот и шатаешься по вокзалам, и рано или поздно попадаешь сюда, но уже по другой, более строгой статье.

В словах девушки — горькая обида на тех, кто более всего заботится о собственном покое и высокомерно пренебрегает чужой судьбой, возможностью помочь однажды оступившемуся человеку.

Перед тем, как на экране появились первые кадры фильма о пустыне, которая еще недавно была дном Аральского моря, Даврон Салимов сказал:

— Фильм еще не вышел на экраны, но мы уже знаем: у него множество врагов, и они изо всех сил будут противиться прокату картины. Это — виновники трагедии Арала, все те, кто превратил край в пустыню. Об этом же и название ленты: «Аралкум».

До последнего времени обо всем случившемся на Арале старались умолчать. Но разве можно скрыть, что муйнакские рыбаки, которые в далеком двадцать первом по просьбе В. И. Ленина помогли голодающим Поволжья, сегодня и сами остались без рыбы, а край, который называли скатертью-самобранкой, почти разорен? На экране — кладбище кораблей, не так давно ходивших в море. Теперь на палубах — не матросы, а мальчишки и девчонки загорают. А вот пожар на траулере «50 лет Каракалпакии», который стоил миллион рублей и совершил всего один рейс. Пожар от перегрева топлива, оставшегося в корабле, от отчаяния людского — какой смысл спасать траулер, если не уберечь моря?

Мы — в портовом городе Муйнаке, из которого уехала половина населения. Бекбулсун-ага, старый морской волк, и другие капитаны подыскали новую работу: кто сторожем, кто грузчиком или пожарником. У бывшего рыбака Василия Шестова последняя радость — рыбки в аквариуме. На десятки километров ушло море от Муйнака. На экране — вереница машин, на которых по дну бывшего моря рыбаки везут лодки за сотни километров к озерам: может, там улыбнется счастье? Но и «там» скоро все кончится: основные промысловые виды — лещ и сазан — мечут икру, непригодную для воспроизводства. Слишком много в ней пестицидов...

Все меньше юношей и девушек среди бывших рыбаков: молодежь уезжает в другие края, ищет новые профессии. Рыбаки, ученые из Москвы и Ташкента, ихтиологи и агрономы — все, с кем знакомит нас фильм, в отчаянии. Главврач санэпидстанции: «Нам подается отравленная вода из коллекторов. В ней — избыток солей, ядохимикатов, а мы ее пьем, потому что другой нет». Еще одно медицинское свидетельство: «За

год число инфекционных заболеваний возросло втрое. Раковые опухоли распространились среди молодежи. Смертность — 80 случаев на тысячу новорожденных. Материнское молоко становится токсичным. Все чаще вспыхивают эпидемии. 72 миллиона тонн соли ежегодно поднимается со дна моря, и соляные бури обрушиваются на оазисы, где еще теплится жизнь».

Картину страшной песчаной бури сменяет всем хорошо знакомое лицо. Журналист Юрий Черниченко: «Когда впервые возле Муйнака мне показали кладбище кораблей, я думал, что присутствую при каком-то преступлении... Между тем, есть люди очень и очень ответственные, которые так и говорят: «Не мутите воду вокруг Арала. С ним все решено. Мы за него уже выручили столько-то миллиардов». А кто такие вы? ... Ко мне подошел черный от солнца человек и сказал: «Я рыбак из Муйнака. Куда девали мой Арал? Спросил ли меня кто-нибудь?»

Фильм «Аралкум» — счет тем, кто иссушением дельты Амударьи без согласия и ведома каракалпакского рыбака, всего каракалпакского народа распорядился его жизнью и будущим. В заключительном кадре — оставленный всеми санаторий, стоявший когда-то на берегу Арала. И голос диктора: «Пока мы снимали фильм, море уступило пустыне еще сто пятнадцать метров».

— Не просто картина — киноследствие, — сказал один из журналистов, посмотревший фильм. — Немилосердные в своей откровенности кадры. Не мог сидеть спокойно.

— Естественно, что судьба Арала так взволновала вас, — ответил Даврон Салимов. — Но где гарантия, что так же отнесутся к фильму те, от кого зависит его прокатная судьба?

А потом состоялся разговор о драматической прокатной участи документальных проблемных лент, о том, что лучшие из них оседают в фильмохранилищах: система «удушения» — так называют ее кинематографисты — по-прежнему дает себя знать.

Студийцы хотят построить в столице свой документальный зал — для тех, кто любит этот жанр. Но поскольку на это нужно время, а фильмы ждут своего зрителя, студия обратилась в Госкино УзССР с просьбой для начала предоставлять документалистам один-два сеанса в день в «Искре», например. Студийцы верят, что правдивое и страстное документальное кино найдет своего зрителя. Узбекские документалисты без ложного умиления говорят о молодом человеке и его проблемах; они не боятся жизни, которая всегда сложнее и увлекательнее любых схем и стереотипов.

И все же пресловутая полка продолжает полниться...

В. БАХРАМОВ.

Режиссер и оператор Хайрулла Джурраев.

Отчего грубеют их лица и умирает душа? Не потому ли, что многое, слишком многое в нашей жизни унижает человеческое достоинство?»

Фильм «Достоинство, или Тайна улыбки» показывает, как тяжело складываются судьбы девушек, забывших о своей гордости и готовых честь, целомудрие продать за деньги, за «красивую жизнь», за нарядные одежды и другие иллюзорные приметы счастья.

— У многих моих ровесниц мечта одна: выйти замуж не за красивого, не за доброго, а за богатого. Да и родители говорят мне: красота пройдет, молодость пройдет, а деньги останутся...

В словах этой шестнадцатилетней школьницы не вызов, а скорее вопрос: так это или не так? Нимало не морализируя, авторы фильма Р. Мергенбаева и Ш. Махмудов показывают, как горько

ПОЛКА
ПОЛНИТСЯ

«К провозу на территорию ЮАР запрещено», — профессионально-равнодушным голосом объявил таможенный чиновник, отодвинув в сторону белый картонный конверт, расчерченный наподобие кирпичной кладки и обтянутый прозрачной целлофановой пленкой. В конверте лежали два черных виниловых диска — грампластинки. Музыку, записанную на них, южноафриканская цензура признала опасной для режима Претории и объявила вне закона. Это был двойной альбом «Стена» британской рок-группы «Пинк Флойд», выпущенный в 1979 году. Песня «Нам не нужен контроль над мыслями» стала гимном молодых патриотов ЮАР. Вот уже скоро десять лет она звучит на митингах и демонстрациях. Сжимая в руках самодельные деревянные автоматы, ее поют малыши, с ней выходят на манифестации молодежь и взрослые. Многие африканцы даже считают автором песни некоего парня из Соуэто, поэта и музыканта, замученного в одном из лагерей «перевоспитания». Фактически песня обрела в ЮАР статус народной и зажила второй жизнью за тысячи километров от британских островов. Завидная судьба!

...В начале 1964 года в Лондонском политехническом институте родилась рок-группа «Сигма-6». В нее вошли Роджер Уотерс, приехавший в Лондон из Кембриджа (гитара), и два лондонца — Ричард (Рик) Райт (клавишные) и Ник Мэйсон (ударные). Все трое собирались изучать в столичном институте архитектуру, но... начали, как видим, с музыки. «Сигма-6» просуществовала пару месяцев, затем группе дали новое название — «Т-Сет», потом придумали еще одно — «Абдабс». Были и концерты, пока лишь для товарищей по «альма матер». Основной тон в группе задавал тогда Рик Райт.

Итак, собрались три рок-архитектора. К чему они стремились? Конечно, быть непохожими на других! Успех?

Сокурсникам нравилось. Так прошел год. Все изменилось с приходом в ансамбль школьного друга Уотерса Сиды Барретта. Выпускник Лондонского художественного колледжа, одаренный поэт, неплохой гитарист, энергичный, честный и бескомпромиссный по натуре человек, он стал главной движущей силой в ансамбле.

Для начала Барретт дал группе новое название — «Пинк Флойд», сложив его из имен своих любимых музыкантов негритянского блюзового дуэта — Пинка Андерсона и Флойда Кайнфила. Следующим шагом была ставка на светомузыкальное шоу. Слайды и кинофильмы, стробоскопы и пиротехника в сочетании со звуковым хаосом резких гитарных импровизаций, электронных трюков и поэтических фантазий Барретта положили начало так называемой «психоделической» рок-музыке. Ее музыкальной основой стал синтез рока, новейшего джаза, кантри и блюза на специфической электронной основе. При этом выразительные средства первоначально были весьма скромными: время синтезаторов еще не пришло.

Пока же в феврале 1966 года были первые выступления за пределами студенческой аудитории в пригородах Лондона. За короткое время «Пинк Флойд» стали известны как «самая шумная, причудливая и вызывающая из лондонских рок-групп».

«Пинк Флойд» — это название упоминается в доброй половине читательских писем. Просьбы рассказать об ансамбле становятся все более настоятельными, даже сердитыми. Сегодня мы выполняем ваши многочисленные пожелания.

ПИНК

Роджер Уотерс, Ричард Райт, Ник Мэйсон, Сид Барретт — таким был «Пинк Флойд» в начале пути.

ФЛОЙД

Старт, как видим, пришелся на середину 60-х годов. Это было время подъема движения хиппи с их романтической символикой «власти цветов» и наивным благородством лозунга «Любовь, а не война». Ведущим творческим элементом возникшего на этой основе рельефа молодежной контркультуры стала рок-музыка. Молодым пацифистам она казалась энергетической силой, способной перевернуть мир. Появившийся в те годы термин «рок-революция» означал не только «грохот, истошные вопли и пугающий фейерверк ритма», как это иногда трактуется и до сих пор, а прежде всего отчаянное желание пробиться в сердца и души других людей, заставить их поверить в себя и действовать.

Деятельность «Пинк Флойд» с самого начала лежала в русле некоммерческого рока. Выступления на митингах, фестивалях, бесплатные благотворительные концерты, акции солидарности — все это привлекало публику. Но такая активность одновременно вызывала настороженность у боссов музыкальной индустрии. Тем не менее в начале 1967 года фирма «И-Эм-Ай» отважилась заключить с группой договор.

Вместе с Барреттом были выпущены три «сорокаятки» и в сентябре 1967 года первый большой альбом с многообещающим названием «Предвестник рассвета».

Большинство композиций принадлежало Барретту; нервные пируэты гитар, «космическая» эксцентрика, свежесть и юмор в текстах теперь уже говорили, что у ансамбля появилось свое лицо. Теперь количество песен давало возможность гастрольных выступлений, и «Пинк Флойд» отправились в путешествие по США. Особой эйфории у американской публики они не вызвали, но приняли их достаточно тепло, в прессе прозвучало немало одобрительных отзывов, да и коммерческие результаты оказались неплохими. Во всяком случае, для многих британских рок-групп первая поездка в США прошла куда менее удачно.

По возвращении из Штатов «Пинк Флойд» обосновались в лондонском «рок-погребке» «НЛО». Их пригласил туда Джо Бойд, энергичный импресарио, не боявшийся идти непроторенными дорогами. Несмотря на ослепительное сияние суперсветил «Битлз» и «Роллинг стоунз», он умел видеть восходящие звезды будущего рок-музыки. Главенствующей музыкальной формой в роке тогда была песня — короткий ударный боевик. В погребке у Джо Бойда играли другие вещи: длившиеся иногда до часа инструментальные композиции, насыщенные экстравагантными музыкальными образами, украшенными живописным

УРОКИ ПОЖЕЛТЕВШЕЙ ТЕТРАДИ

Связка

Фигура, попавшая в связку, предоставляет массу возможностей для создания различных комбинаций. В качестве примера давайте рассмотрим приведенную ниже позицию.

Продолжаем публикацию второй лекции Б. Блюменфельда, прочитанной полвека тому назад. Эта часть предлагаемого читателю материала еще более любопытна, чем предыдущая.

и у черных останется на пешку больше. А если 22. Ф:g4, то 22... Ф:е3+ 23. Крh1 Ф:d2. Здесь мы наблюдаем двойную связку, то есть естественную и скрытую, логическую. Слон на g4, после 21... С:g4, попал в естественную связку, то есть по всем правилам шахматной игры, а вот ферзь должен защищать поле e3 и, таким образом, попал в своеобразную логическую связку.

В середине игры все фигуры на доске

Ионер — Рети

Теплиц — Шенау, 1922 год

Ход черных. Рети заметил, что король и ладья белых стоят на одной диагонали. В соответствии с этим он сделал довольно неплохой ход-ловушку: 21... e5! Теперь если 22. de, то 22... Фс6 — ладья связывается. Ладья на e4 практически не защищена — черные создают опасность продолжения 23... С:c3 и 24... Ф:e4. Здесь белые проигрывают качество. А если

Лангар, что расположился в Кашкадарье, кишлак удивительной красоты. К западу от селения в небо вонзаются Гиссарские горы, а скалу у их подножия называют Кучкарташ. Здесь я и увидел этот уникальный рисунок: на трехметровой высоте изображение чабана, который защищает отару от волка. Выражение лица чабана неразлично, но решительность и гнев угадываются во всем его облике, в жесте руки, взметнувшей над головой посох.

Каждый раз, когда я слушаю одну из песен моего земляка, поэта Усара, чье детство пришлось на суровые годы войны, я невольно вспоминаю то изображение на скале Кучкарташ. Почему-то оно нераздельно слито в моем сознании с такими строками бахши:

*И мне хотелось быть львом,
Когда враг явился, как волк.
Мечтал я крушить врага,
Как скалы дробят облака.*

(Перевод здесь и далее подстрочный)

Вы хотите представить себе эту картину — как скалы «перемалывают» облака, разрывая их в клочки? Тогда взгляните на ущелье Лангара в морозные зимние дни, когда острые вершины Шовуза, выстроившиеся в ряд, словно вечная стража, встречают штыками напорившуюся на них гряду льдистых облаков. Как нужно любить родной край, чтобы найти этот яркий образ!..

Один старый бахши из Дехканабада сказал: «Если мелодия домбры льется из души, то на устах сама собой рождается и песня». Наверное, человек, научившийся хорошо играть на домбре, не может не запеть. Может быть, поэтому так вдохновенны строки Усара-бахши, обращенные к этому нежнейшему музыкальному инструменту, — слова любви и благодарности за радость творчества:

ПЕВЕЦ ГОРНОГО ЛАНГАРА

*Гриф твой из абрикоса, дека из арчи.
Песня твоя чарует все вокруг.
До конца дней моих, сколько достанет сил,
Я буду петь,
Буду петь, домбра, моя жизнь.*

Творчество Усара-бахши всегда питали традиции восточного фольклора, герои его песен — персонажи сказок и легенд, издавна любимых в народе. В произведениях поэта, исполняемых под аккомпанемент домбры, слышны голоса и Нурали, в плену у врага тоскующего по родине, и Авазхана, которому неизменно сопутствует удача, и Алпамыша,

томящегося в зиндане, и самозабвенно любящей его Барчиной.

Усар-бахши известен не только как исполнитель, но и как импровизатор. Но и в этом направлении творчества он остается верен главной своей теме — теме любви к Родине. Гордость за свой народ, нерасторжимая связь с ним — главная мысль таких произведений поэта, как «Ленин», «Не называйте Каршинскую степь пустыней», «Поэту Абдулле», дастанов «Сафарнаме», «Советские соколы», других. Но творчество Усара-бахши далеко от бездумного восхваления действительности, многие его вещи отличаются острой социальной направленностью.

Талант поэта оценен по достоинству, об этом говорят и почетные места, неоднократно завоеванные им на конкурсах народных сказителей, и выступления по телевидению. Но ничто не может сравниться с более высокой наградой: песни Усара-бахши знают и любят в родном краю. Потому и звучат так ликующе строки поэта:

*Прозвали меня Счастличик Усар,
Здесь моя родина — горный Лангар.
Верю в сегодня, и в завтра верю,
Жизнь как цветок — пой о ней, мой саз!*

Г. РАХМАН.

Эстрадное Лото Эстрадное

«К провозу на территорию ЮАР запрещено», — профессионально-равнодушным голосом объявил таможенный чиновник, отодвинув в сторону белый картонный конверт, расчерченный наподобие кирпичной кладки и обтянутый прозрачной целлофановой пленкой. В конверте лежали два черных виниловых диска — грампластинки. Музыка, записанную на них, южноафриканская цензура признала опасной для режима Претории и объявила вне закона. Это был двойной альбом «Стена» британской рок-группы «Пинк Флойд», выпущенный в 1979 году. Песня «Нам не нужен контроль над мыслями» стала гимном молодых патриотов ЮАР. Вот уже скоро десять лет она звучит на митингах и демонстрациях. Сжимая в руках самодельные деревянные автоматы, ее поют малыши, с ней выходят на манифестации молодежь и взрослые. Многие африканцы даже считают автором песни некоего парня из Соуэто, поэта и музыканта, замученного в одном из лагерей «перевоспитания». Фактически песня обрела в ЮАР статус народной и зажила второй жизнью за тысячи километров от британских островов. Завидная судьба!

...В начале 1964 года в Лондонском политехническом институте родилась рок-группа «Сигма-6». В нее вошли Роджер Уотерс, приехавший в Лондон из

«Пинк Флойд» — это название упоминается в доброй половине читательских писем. Просьбы рассказать об ансамбле становятся все более настоятельными, даже сердитыми. Сегодня мы выполняем ваши многочисленные пожелания.

ПИНК

Д. Райт, Ник Мэйсон, Сид Барретт, Пинк Флойд в начале пути.

ФОТО

Кабачки фаршированные

На 4 порции.

Кабачки — 1 кг.

Фарш овощной. Лук репчатый — 3-4 луковицы, морковь — 3 шт., петрушка — 2-3 шт., томат-пюре — 1 1/2-2 ст. ложки, масло растительное — 1/2 стакана, соль по вкусу.

Фарш мясной. Мякоть говядины — 300 г, рис — 3 ст. ложки, лук репчатый — 2 луковицы, маргарин — 2 ст. ложки, соль по вкусу.

Кабачки очищают от кожицы, разрезают поперек на куски толщиной 4-5 см, удаляют из них семена с частью мякоти и отваривают до готовности в подсоленной воде. Отверстие заполняют фаршем так, чтобы он выступал горкой, кладут кабачки на противень или сковороду, смазанную жиром, посыпают тертым сыром, сбрызгивают маслом и запекают в духовке.

Фарш овощной. Овощи нарезают соломкой, слегка обжаривают, добавляют томат, тушат.

Фарш мясной. Мясо варят или жарят, пропускают через мясорубку, добавляют сваренный рис, мелко рубленный лук, соль, перец и перемешивают.

Рис. М. АЛИХАНОВОЙ.

репчатый, петрушка — по 1 шт. (небольшие корнеплоды), картофель отварной для гарнира — 500-600 г, масло сливочное — 2-3 ст. ложки, хрен тертый — 200 г, зелень, перец, соль, лавровый лист по вкусу.

Рыбу очищают от чешуи, удаляют голову и плавники, потрошат, промывают и режут на куски, кожу в 2-3 местах надрезают. Куски рыбы укладывают в посуду кожей вверх, заливают горячей водой, добавляют лук, морковь, петрушку, лавровый лист, перец, соль. Как только вода закипит, удаляют пену и варят рыбу при слабом кипении 5-7 минут.

Рыбу вынимают из бульона, кладут на блюдо, укладывают отварной картофель и зелень, поливают растопленным маслом. Отдельно подают тертый хрен с уксусом.

мясорубку. полученную массу разводят водой или молоком и заправляют солью, перцем.

Варят пельмени в кипящей подсоленной воде 2-3 минуты после закипания. Подают с маслом, уксусом или сметаной.

Уха ростовская

На 4 порции.

Судак или другая рыба — 400 г, картофель — 600 г, петрушка — 2-3 шт., лук репчатый — 1-2 луковицы, помидоры свежие — 300 г, масло сливочное — 2 ст. ложки, зелень, специи, соль по вкусу.

Рыбу очищают, потрошат, удаляют головы, плавники, хорошо промывают, удаляют глаза и жабры. Плавники и головы заливают водой, солят, варят. Затем их вынимают, бульон процеживают, кладут в него дольки картофеля, лук, петрушку, варят — 10-15 минут, кладут куски рыбы, помидоры, специи и варят еще 10-15 минут. Перед подачей кладут сливочное масло.

Винегрет

На 4 порции.

Картофель — 250 г, свекла — 1 шт., крупный корнеплод, морковь — 1-2 шт., капуста квашеная — 200 г, соевые огурцы — 1-2 шт., лук зеленый — 150-200 г или репчатый — 2-3 мелкие луковицы, масло растительное — 2-3 ст. ложки или заправка уксусная — 1/2 стакана, перец, горчица, соль по вкусу.

Вареные, очищенные картофель, свеклу и морковь, соевые огурцы без кожицы нарезают ломтиками, квашеную капусту отжимают от рассола, крупные куски шинкуют. Лук репчатый нарезают полукольцами, а зеленый — шинкуют. Свеклу отдельно заправляют частью растительного масла. Все продукты соединяют с заправкой оставшимся маслом или смесью из уксуса, масла, перца, горчицы. Винегрет можно подавать с кусочками сельди, вареного мяса, с маринованными грибами и т. д.

Сельдь по-русски

На 4 порции.

Сельдь неразделанная — 400 г, картофель — 500 г, масло сливочное — 3 ст. ложки. Филе сельди (без кожи и костей) нарезают ломтиками и укладывают в селедочницу. Отдельно подают горячий отварной картофель и сливочное масло.

Яйца рубленые с чесноком

На 4 порции.

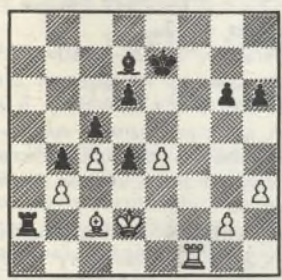
Яйца — 4-5 шт., соевые огурцы — 1 шт., сметана — 1 1/2 стакана, чеснок, соль по вкусу. Яйца варят вкрутую. Соевые огурцы очищают от кожицы, семя и мелко рубят. Огурцы и яйца соединяют со сметаной, добавляют тертый или мелко рубленный чеснок и перемешивают.

УРОКИ ПОЖЕЛТЕВШЕЙ ТЕТРАДИ

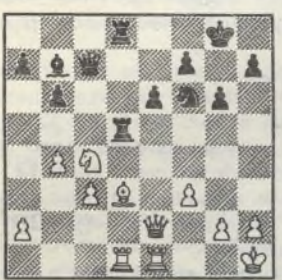
Связка

Фигура, попавшая в связку, предоставляет массу возможностей для создания различных комбинаций. В качестве примера давайте рассмотрим приведенную ниже позицию.

Шлехтер — Тейхман
Карлсбад, 1907 год

Ход черных. Шлехтер сдался после того, как Тейхман сделал всего лишь один ход. Вот он: 1... d5! Теперь если 2. ed, то 2... Cf5 3. Lc1 d3; после 2. cd, 2... d3! 3. Kp: d3 Cb5+ решает все.

Вольф — Рубинштейн

Ход черных. В этой позиции Рубинштейн упускает возможность провести красивую игру. 31... Лh5 32. h3 Kг4! Появляется угроза хода Фh2. Ввиду связки пешки h3 коня он взять не может. А если 32. fg, то ...Л:h3+ (теперь на связку попала пешка g2). 33. Kpо1 Фh2+ 34. Kрf1 Фh1+ 35. Kрf2 Ф:g2 X. Точно такая же ситуация повторяется и в следующей партии.

Боголюбов — Алехин
Нью-Йорк, 1924 год

Ход черных. Ладья белых находилась под ударом, однако Алехин ее не взял. Опасался, видимо, следующего варианта: 28... Ф:g3 29. Ф:f7 ab 30. Лh7. Алехин не увидел, что пешка a3 находится в связке, то есть ее практически на доске нет. В действительности же у черных имеется прекрасная возможность: 28... Фe1+ 29. Кра2 Фb4! Теперь если 30. Лh8+ Kpd7 31. Л:a8, то 31... Фc4+ и затем 32... С:a8. Как видим, материальный перевес налицо. Конечно, не следует особенно удивляться, что такой маститый шахматист, как Алехин, упустил подобную возможность. На свете нет и не будет игрока, который видел бы абсолютно все. Ведь привлекательность шахмат заключается именно в многовариантности этой игры.

Третья лекция

Эту лекцию Б. Блюменфельд читал 25 июля 1934 года. В партии Эйтс — Алехин, сыгранной в Нью-Йорке в 1924 году, после хода белых 21. Сb3 — e6 на доске возникла такая позиция.

Черные ответили 21... С:g4! Что же остается белым? Если бить слона слонном, то после 22... h5 слон на g4 гибнет,

и у черных останется на пешку больше. А если 22. Ф:g4, то 22... Ф:e3+ 23. Kрh1 Ф:d2. Здесь мы наблюдаем двойную связку, логическую. Слон на g4, после 21... С:g4, попал в естественную связку, то есть по всем правилам шахматной игры, а вот ферзь должен защищать поле e3 и, таким образом, попал в своеобразную логическую связку.

В середине игры все фигуры на доске находятся в четкой логической связи и каждая выполняет определенные функции.

Сейчас вы увидите, как создается связка. Фигура будет приведена на поле, где попадет в связку.

Богатырчук — Савицкий
Ленинград, 1933 год

После 30... Kf6—d7 возникла следующая ситуация:

Неожиданно белые начинают типичную комбинацию: 31. Л:e7 Л:e7 32. Kd5 (повторно атакая на находящуюся в связке ладью) 32... f6 33. К:e7+ Ф:e7 34. Фd5+Kрh7 35. Ф:b7. Белые в хорошей позиции выигрывают пешку. Да, чтобы связать ладью, они бьют ладью. Здесь связка создается путем жертвы. А вот пример посложнее:

Ионер — Рети

Теплиц — Шенау, 1922 год

Ход черных. Рети заметил, что король и ладья белых стоят на одной диагонали. В соответствии с этим он сделал довольно неплохой ход-ловушку: 21... e5! Теперь если 22. de, то 22... Фc6 — ладья связывается. Ладья на e4 практически не защищена — черные создают опасность продолжения 23... С:c3 и 24... Ф:e4. Здесь белые проигрывают качество. А если 22. fe, то черные ходом 22... К:e5 улучшают позицию. Ход 21... e5 — с позиционной точки зрения очень хороший ход.

Очередное задание

Шахматная техника настолько выросла, что теперь в целях дальнейшего совершенствования шахматиста нужно не «зубрить» книгу, а понять идею дебютной стратегии. В этой связи мы предлагаем вам самостоятельно проанализировать приведенную ниже партию и, записав ход своих суждений на шахматном языке по возможности коротко, выслать нам.

1. c4 c6 2. e4 d5 3. ed cd 4. d4 Kf6
5. Kc3 Kc6 6. Cg5 Фb6? 7. Cd Ф:b2
8. Lc1! Kb4 9. Ka4! Фа2 10. Cc4 Cg4
11. Kf3 C:f3 12. gf. Черные сдались.

АКАДЕМИЯ

Задачи III тура олимпиады по химии

1. На полное окисление двух образцов металлов X и Y израсходовано одинаковое количество кислорода, при этом образовались соединения состава XO и Y₂O₃. Определите соотношения масс X и Y, вступивших в реакцию, если атомная масса Y в 1,125 раза больше атомной массы металла X.

2. Предложите простой способ определения каждого компонента в растворе, состоящем из хлоридов натрия и калия.

3. Может ли образоваться осадок при смешивании водных растворов солей одного и того же металла? Если да, то для паров каких солей это возможно?

4. При проведении реакции монобромирования изопентана соотношение реакционной способности первичной, вторичной и третичной C—H связи составило соответственно 1:32:1600. Установите молярные процентные отношения полученных изомерных монобромидов.

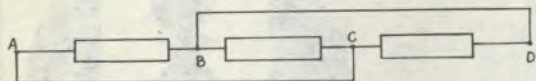

Задачи по физике IV тур

1. Поезд массой 1500 тонн движется в гору, подъем которой 0,004, со скоростью 16 м/с при коэффициенте сопротивления 0,006. Какова полезная мощность локомотива?

2. Для осушки воздуха, находящегося в баллоне емкостью 10 л, добавили кусок хлористого кальция, который поглотил 0,13 г воды. Какова была относительная влажность воздуха в баллоне, если его температура равна 20°C?

3. Три одинаковых сопротивления по R Ом каждое соединены последовательно в цепь (см. рис.). Изменится ли сопротивление между концами A и D цепи, если точки A и C, B и D замкнуть накоротко?

4. Радиолокатор посылает 2000 импульсов в секунду. Определить наибольшую дальность действия этого радиолокатора.

5. Какова длина волны желтого света паров натрия в стекле с показателем преломления n=1,56? Длина волны этого света в воздухе равна 589 ммк.

М. КУРБАНОВ,
И. КАДЫРОВ.

Задачи по химии IV тур

1. При нагревании 0,808 г смеси соединений KClO₃ и KMnO₄ выделился кислород и образовалось 0,582 г смеси KCl, K₂MnO₄ и MnO₂. Вычислить массы соединений в смеси до и после реакции.

2. Один и тот же резервуар, заполняемый разными газами, имеет массу: 422 г при заполнении оксидом углерода (IV), 420 г — аргоном, 408 г — неизвестным газом. Найти молярную массу неизвестного газа и массу резервуара.

3. Определить массу оксида натрия, который нужно добавить в 169 г раствора, содержащего 40 г гидроксида натрия, чтобы массовая доля гидроксида натрия в растворе стала равна 0,4.

4. Газовая смесь, имеющая плотность 2,0 по азоту состоит из предельного и непредельного углеводорода. Найти их молекулярные формулы, если известно, что молярное соотношение газов равно 1:1 и масса одного из углеводородов составляет 0,768 от массы смеси.

5. Ароматическое соединение состава C₈H₇BrO₂ при кипячении с эквимолекулярным количеством HBr образует два изомерных ароматических монобромидов, а с избытком HBr — один ароматический монобромид. Определить строение исходного вещества и вывести соответствующие реакции.

А. МУФТАХОВ.

Ответы на вопросы IV тура заочной олимпиады юных математиков

1. Необходимо разбить число 7812 на шесть частей таким образом, чтобы отношение каждой части к последующей было равно $\frac{1}{5}$.

Это задача на нахождение членов с помощью суммы геометрической прогрессии и знаменателя. Представим себе, что x является первым числом, а q=5 — знаменателем. Тогда $x + 5x + 5^2x + 5^3x + 5^4x + 5^5x = 7812$ решив это уравнение, находим, что x=2. Значит, $2 + 10 + 50 + 250 + 1250 + 6250 = 7812$.

2. Допустим, что в каждой из клеток шахматной доски (5×5) находится по жуку. В какой-то момент жуки одновременно перемещаются на соседние клетки по горизонтали и по вертикали. Останутся ли в таком случае на доске пустые клетки?

Общее количество клеток на шахматной доске нечетное (5×5=25). Поэтому число черных и белых клеток не может быть равным. Предположим, что больше черных клеток. Поэтому одна из них должна остаться свободной, так как на черные клетки перейдут жуки, которые находились на белых.

3. Гипотенуза прямоугольного треугольника равна 13 см.

Если каждый из катетов увеличить на 3 см, то длина гипотенузы увеличится на 4 см. Найти длину катетов этого треугольника.

Представим, что x и y — длины катетов данного треугольника. В таком случае мы в соответствии с условиями задачи получим следующую систему уравнений:

$$\begin{cases} x^2 + y^2 = 13^2 \\ (x+3)^2 + (y+3)^2 = 17^2 \end{cases}$$

Решив ее, находим ответ: x=5, y=12 (или, x=12, y=5). Значит, длины катетов этого треугольника равны соответственно 5 см и 12 см.

4. Найдите p таким образом, чтобы сумма квадратов корней уравнения $x^2 - (p-2)x - p - 3 = 0$ была наименьшей.

Представим, что x₁ и x₂ есть корни данного уравнения.

Согласно теореме Виета, пишем:

$$x_1 + x_2 = p - 2, \quad x_1 \cdot x_2 = -p - 3$$

В таком случае

$$x_1^2 + x_2^2 = (x_1 + x_2)^2 - 2x_1x_2 = (p-2)^2 + 2(p+3) = (p-1)^2 + 9$$

Из последнего доказательства следует, что $x_1^2 + x_2^2 \geq 9$

Значит, наименьшее значение принимает p=1, и равно оно 9.

$$a^2 - b^2 = (a - b)(a + b)$$

$$m\alpha_T = -mg \sin\alpha$$

ТОЧНЫХ НАУК

5. Докажите, что $a^4 + b^4 \geq \frac{1}{8}$, если $a + b \geq 1$.
 В соответствии с неравенствами $(a+b)^2 \geq 1$, $(a-b)^2 \geq 0$, получаем $(a+b)^2 + (a-b)^2 \geq 1$. Отсюда следует что $a^2 + b^2 \geq \frac{1}{2}$.
 Затем в соответствии с неравенствами $(a^2 + b^2)^2 \geq \frac{1}{4}$, выводим, $(a^2 + b^2)^2 + (a^2 - b^2)^2 \geq \frac{1}{4}$ откуда следует $a^4 + b^4 \geq \frac{1}{8}$. Что и требовалось доказать.

4. Подобные треугольники имеют равные углы, а равные вписанные углы опираются на равные дуги. Равные дуги стягиваются равными хордами. Поэтому вписать в один и тот же круг два неравных, но подобных треугольника нельзя.

5. Предположим, что четыре попарно перпендикулярные скрещивающиеся прямые пространства существуют. Выберем из них произвольно две. Все плоскости, параллельные этим двум прямым, параллельны между собой. Возьмем из этих плоскостей одну. Оставшиеся две скрещивающиеся прямые

должны быть перпендикулярны этой плоскости, следовательно, они должны быть параллельны между собой. Но две прямые не могут быть одновременно параллельны друг другу и перпендикулярны. Мы пришли к противоречию. Поэтому наше предположение, что в пространстве может существовать четверка попарно скрещивающихся прямых, ложно.

Б. РИХСИЕВ,
Т. КУРГАНОВ,
З. КУРГАНОВ.

Ответы на задания V тура олимпиады по математике

1. Число горизонтальных отрезков, по которым улитка удалялась от исходного пункта (улитка проползала по ним за 15 минут), равно числу горизонтальных отрезков, по которым она приближалась к нему. Значит, число всех горизонтальных отрезков четно. По тем же соображениям четно и число вертикальных отрезков. Но число вертикальных и горизонтальных отрезков одинаково. Следовательно, общее число их кратно 4. Тогда $[2n + 2n] \cdot 15 \cdot \frac{1}{60} = n$ часов, что и требовалось доказать.

2. Пусть x — число участников турнира, тогда $x - 2$ шахматиста, закончившие турнир, сыграли между собой $\frac{(x-2)(x-3)}{2}$ партий. Два интересующих нас шахматиста провели 10 или 11 встреч вне зависимости, сыграли

между собой $\frac{(x-2)(x-3)}{2}$ партий. Два интересующих нас шахматиста провели 10 или рассмотрим два квадратных уравнения:
 $\frac{(x-2)(x-3)}{2} + 10 = 55$ и $\frac{(x-2)(x-3)}{2} + 11 = 55$

При этом нас интересуют лишь целые и положительные значения x . Такое решение ($x=12$) имеет лишь первое уравнение, откуда и следует, что указанная партия состоялась.

$|a|^2 < |b-c|^2$, $|b|^2 < |c-a|^2$, $|c|^2 < |a-b|^2$, откуда

$$\begin{cases} (b-c)^2 - a^2 > 0, \\ (c-a)^2 - b^2 > 0, \\ (a-b)^2 - c^2 > 0; \end{cases} \begin{cases} (a+b-c)(b-c-a) > 0, \\ (b+c-a)(c-a-b) > 0, \\ (a-b+c)(a-b-c) > 0; \end{cases}$$

Перемножив эти неравенства, получим противоречие:

$$(b-c)^2 (b+c-a)^2 (a+c-b)^2 > 0$$

т. е. неравенство неверно.

Заполните карточку, а оформят вам ее в ближайшем отделении «Союзпечати» — только это и требуется для того, чтобы и в следующем году вам не расстаться с «Молодой сменой».

Ф.СП-1

Министерство связи СССР «Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на газету журнал 75243

«МОЛОДАЯ СМЕНА» (индекс издания)

(наименование издания) | Количество комплектов:

на 1989 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X

Куда | |

(почтовый индекс) (адрес)

Кому | |

(фамилия инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

п. в. место литер на газету журнал 75243

«МОЛОДАЯ СМЕНА» (индекс издания)

(наименование издания)

Стоимость подписки 4 руб. 20 коп. Количество комплектов

переадресовки — руб. коп.

на 1989 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X

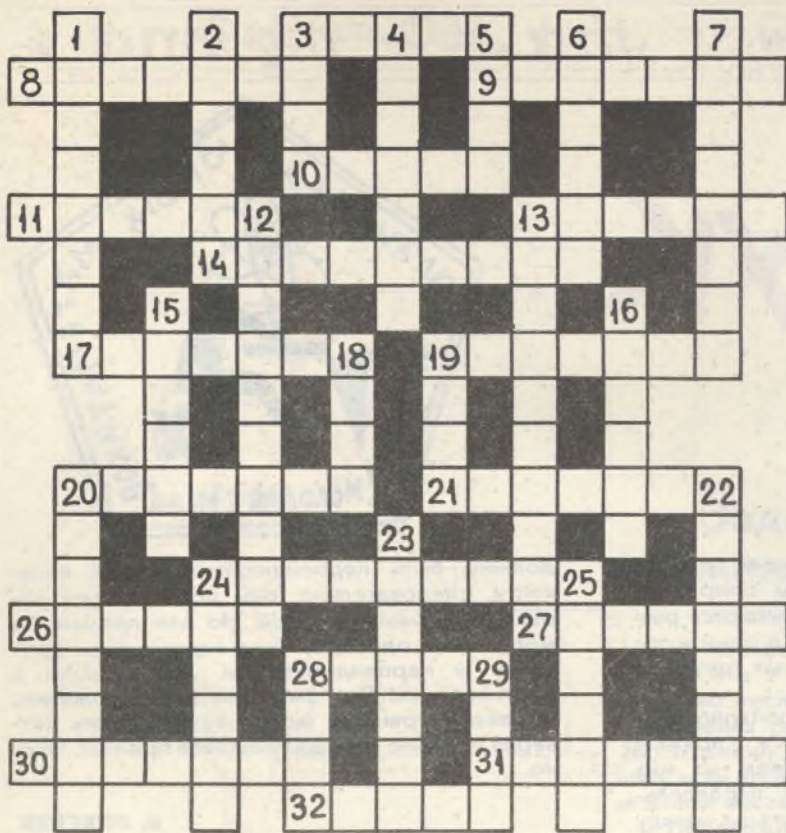
Куда | |

(почтовый индекс) (адрес)

Кому | |

(фамилия инициалы)

$$a^2 - b^2 = (a - b)$$

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Придорожная канава. 8. Товарный знак. 9. Система двигательных упражнений под музыку. 10. Действующее лицо оперы П. Чайковского «Мазепа». 11. Опора для установки лабораторных аппаратов. 13. Река в Сибири, впадающая в Байкал. 14. Цветок. 17. Род многолетних растений семейства лютиковых. 19. Песчаная пустыня в Средней

Азии. 20. Наружный слой березовой коры. 21. Русский советский писатель. 24. Телевизионное красочное оформление эстрадной песни. 26. Герой пьесы А. Арбузова «Иркутская история». 27. Рассказ А. Чехова. 28. Предел, граница, крайняя точка чего-либо. 30. Садовые ножницы. 31. Химический элемент. 32. Хоккейная команда высшей лиги.

вающий ступени диатонического звукоряда. 18. Простейшее сельскохозяйственное орудие. 19. Пресноводная рыба. 20. Вид скульптуры. 22. Специальность врача. 23. Тип беспозвоночных животных. 24. Старая русская мера длины. 25. Условное слово или фраза, применяемое для опознания. 28. Дамба, служащая для стоянки и разгрузки судов в порту. 29. Столица XXIV Олимпийских игр.

По вертикали: 1. Новый зимний вид спорта. 2. Заслуженный тренер СССР, спортивный обозреватель. 3. Богиня истории в древнегреческой мифологии. 4. Нерифмованное стихотворение. 5. Цирковой номер. 6. Государство. 7. Советская рок-группа. 12. Выдающийся советский ученый, геохимик и минеролог. 13. Денежный документ, содержащий поручение. 15. Древний сосуд для хранения жидкости. 16. Интервал, охваты-

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ — МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ёш куч Молодая смена

Общественно-политический
и литературно-художественный
иллюстрированный журнал

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ЛКСМ УЗБЕКИСТАНА

Выходит с июля 1986 г.

№ 7(25). Июль, 1988 г.

Ташкент, издательство «Ёш гвардия».

Выходит один раз в месяц.

Главный редактор
Худайберды ТУХТАБАЕВ

Редколлегия:

Мирвасил АДЫЛОВ

Шахрух АКБАРОВ

Владимир ВОЛОТКО
(зам. гл. редактора)

Евгений ГРЕВЦОВ
Хуршид ДУСТМУХАМЕДОВ

Мирза КЕНЖАБАЕВ

Эркин МАЛИКОВ
(ответственный секретарь)

Салахиддин МАМАДЖАНОВ

Латиф МАХМУДОВ

Хакимджан ПИРМУХАМЕДОВ

Юлдашали ТАДЖИБАЕВ

Александр ФАЙНБЕРГ

Александр ФРОЛОВ

Пирмат ШЕРМУХАМЕДОВ

Художественный редактор
Махкам АБДУЛЛАЕВ

Техредактор Гайбулла БАРИМОВ

Наш адрес: Ташкент, 700113, Чиланзар, ЧГСП,
улица газеты «Правда», 60.

Телефоны:
78-94-67, 78-75-94, 78-48-85,
78-85-64, 78-57-84, 78-94-73.

Принимаются рукописи объемом не более
2,5 авторских листа. Рукописи не возвраща-
ются. При перепечатке ссылка на «Ёш куч»
— «Молодая смена» обязательна.

«Ёш куч» — «Молодая смена», № 7, 1988 г.

© Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана «Ёш
гвардия».

Сдано в набор 23.05.88 г. Подписано в печать
16.06.88 г. Формат 70×108¹/₈. Печать офсет-
ная. Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 11,4. Тираж
16243 экз. Заказ № 3486. Цена номера 35 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени типо-
графия издательства ЦК Компартии Узбекис-
тана.

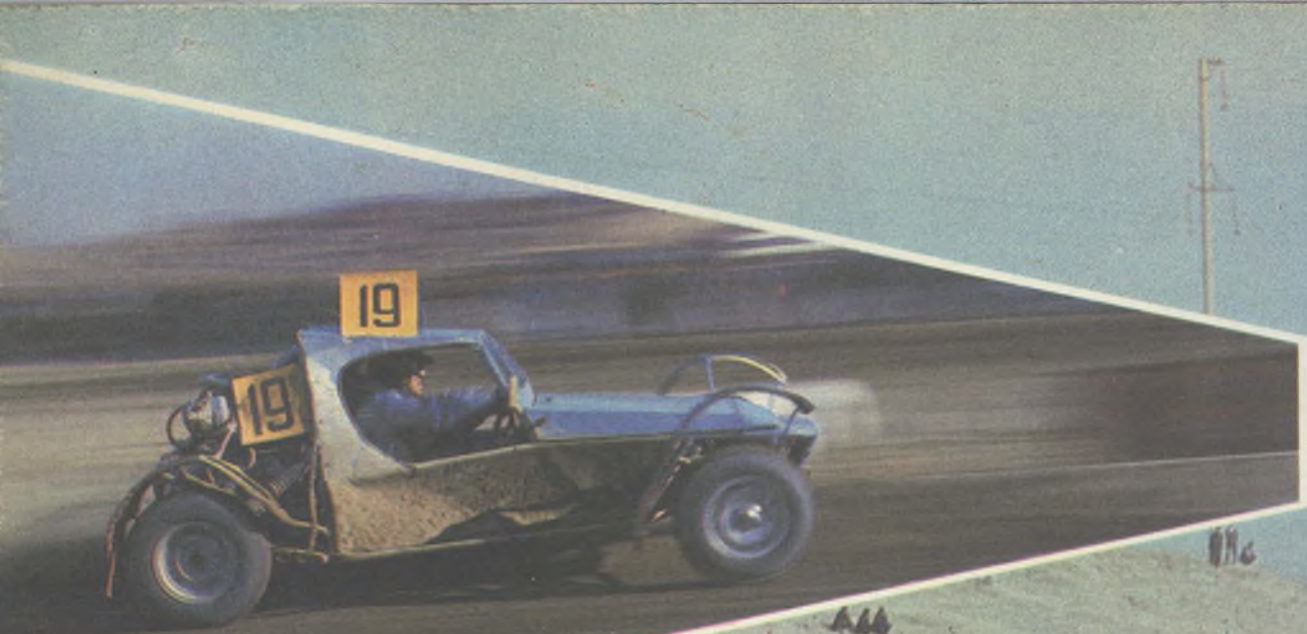
Ташкент, 700000, проспект Ленина, 41.

Разным бывает лик нашего края, но он всегда прекрасен.

Фото В. МОИСЕЕВА.

Ралли—это молодость!

Фото Э. КАРИМОВА.

Цена 35 коп. Индекс 75243